

Юлия Надокова

Осторожно: добрая фея!

Юлия Набокова
Осторожно: добрая фея!

«Автор»

2007

Набокова Ю. В.

Осторожно: добрая фея! / Ю. В. Набокова — «Автор», 2007

Бойтесь фею, добро замышляющую! Она не остановится ни перед чем, чтобы осчастливить свою крестницу. Повезло родиться принцессой? Жить во дворце? Носить корону? Иметь в женихах самых завидных холостяков королевства? Не стоит радоваться раньше времени – добрая фея уже спешит на помощь! Держись, принцесса, – скучать не придется!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Набокова

Осторожно: добрая фея!

Вы кто?

Я? Добрая фея!

А почему с топором?

Вот видите, как мало вы знаете о добрых феях!

Анекдот

Пролог

Пол застилал пестрый ковер, под ногами хрустела шелуха, спина ныла от напряжения. При тусклом пламени свечи сложно было различать зернышки, приходилось ориентироваться на ошупь.

– Овес, гречка, просо, гречка, просо, овес, овес, просо, – сосредоточенно шептала девочка, осторожно ползая на коленках и разбирая крупинки. Просо – в карман, гречку – в чепчик, овес – в деревянный башмачок. Когда они наполнятся, она ссыплет зерна в большие емкости и начнет по новой.

Просто удивительно, как это нянюшка Рина умудрилась опрокинуть мешок с просом, бочку с гречкой и корыто с овсом – и все это одновременно! Ведь не великан какой-нибудь, а тщедушная старушка, в которой еле жизнь теплится. А злыдня Сюзанна ее еще наказать хотела – Рина такого бы точно не пережила. Хорошо еще, что мачеха кричала так громко, что и папа, с некоторых пор имевший привычку запирается на чердаке и вздыхать на луну (у него это называлось «изучать звезды»), ее бы услышал, если бы с утра не уехал по делам. А уж она-то была всего этажом выше и быстро примчалась на выручку своей старой нянюшке. Сюзанна Рину с первого дня невзлюбила, когда, обходя дом на правах новой хозяйки, положила глаз на комнату падчерицы и вздумала поселить в ней свою собственную дочурку Ядвигу, по вредности не уступающую мамаше. Рина тогда вступилась за воспитанницу и отца на свою сторону перетянула, так что Белинда осталась жить в своей комнате с видом на городскую площадь с фонтаном, а мелкой вредноге досталась равноценная комната, но с окнами на скотный двор.

С тех пор началась в доме настоящая война. Сюзанна, не решаясь открыто нападать на падчерицу, изводила трудными поручениями старенькую нянюшку, а стоило Рине заикнуться о возрасте и здоровье, как грозилась уволить «никчемную старуху». У отца Белинда поддержки не нашла – тот после женитьбы сделался вялым, безынициативным, во многом слушался Сюзанну и соглашался с ней в том, что Рина уже стара, слаба и к службе не годна, а Белинда достаточно взрослая девочка и не нуждается в услугах няньки. Как было объяснить папе, что с появлением мачехи Рина осталась для нее единственным близким человеком, который искренне о ней заботился и поддерживал? Самого отца и всех остальных слуг Сюзанна как будто околдовала, и те всегда принимали ее сторону. Вот и приходилось помогать нянюшке с работой, которую взваливала на старушку мачеха.

– Вот ведь, – кручинилась Рина, – молодухой была, отродясь полы не мыла и котлы не чистила, только за детишками присматривала и всегда уважением пользовалась. А на старости лет хуже последней чернавки сделалась.

Белинда утешала нянюшку, отбирала швабру и щетки и принималась за самую грязную работу. Благо других занятий у нее теперь не было – Сюзанна разогнала всех ее учителей после того, как они дружно объявили, что Ядвига, которую мачеха всучила им в нагрузку, к учебе не пригодна, а мудрый философ к тому же добавил, что глупость неизлечима. Тогда Сюзанна

быстро убедила мужа в том, что науки вредят воспитанию, и образование Белинды на этом закончилось. Девочка тайком продолжала читать книги в свободное время, но его оставалось не так много, учитывая тот объем работ, который взвалила на нянюшку новая хозяйка. Мачеха, конечно, быстро поняла, кто помогает Рине разбираться с делами, и совсем разошлась.

Понятное дело, думала Белинда, разбирая зернышки, что няня здесь ни при чем. Куда уж сухонькой старушке перевернуть тяжелую бочку и опрокинуть полное корыто и мешок, набитый под завязку! На это способна только разъяренная мегера Сюзанна, которая целыми днями палец о палец не ударит: силы копит, чтобы потом окружающим очередную свинью подложить. Но спорить с гневной мачехой – себе дороже. Уж проще разобрать весь этот бедлам по крупинкам. Девочка в изнеможении присела на пол и подвела неутешительные итоги. В чепчике – от силы горсть, в кармане и того нет, а в башмачке...

– Ядрена фига, – с чувством выругалась она, заметив, что овес в башмаке наполовину перемешан с просом. Задумавшись о каверзах мачехи, девочка по рассеянности смешала зерна. Вот почему в кармане их оказалось так мало.

От обиды засвербело в носу. Белинда схватила башмачок и со всей силы швырнула его об стену, рассыпав зернышки, которые с таким трудом собирала по всему полу. Башмак отлетел в угол, где темной грудой были свалены мешки с зерном, и Белинде показалось, что оттуда раздался сдавленный писк. Но сейчас ей некогда было жалеть придавленную мышь. Каждый раз, когда мачеха доводила ее до такого состояния, у девочки начинало щипать в носу, а с кончиков пальцев срывались золотистые искорки. Если в такой момент загадать желание и щелкнуть пальцами, рассыпав в воздухе щепотку искр, то оно обязательно исполнится – правда, с некоторыми погрешностями, но это уже мелочи. Увы, как ни мечтала Белинда превратить мачеху и ее дочку в лягушек или заслать их на край света, этим мечтам не суждено было сбыться; зато, если пожелать что-то доброе, результат не заставлял себя ждать. Вот и сейчас искорки, слетевшие с пальцев, были как нельзя кстати.

Щелчок пальцами – и ниточка зерен проса взлетает вверх, нанизывая на невидимый стержень все новые и новые зернышки и поднимая их с пола в воздух. Еще щелчок – и крупички гречки собираются в другую цепочку, свиваясь в коричневую спираль под потолком. От третьего щелчка, последнего, овес, оставшийся на полу, собирается в кучу.

– По местам, – шепчет девочка, и длинная нитка проса змейкой ныряет в большой холщовый мешок, на глазах наполняя его. Не отстают и гречневая цепочка, тонкой струйкой засыпая до верха пузатый деревянный бочонок. Запрыгивает в дощатое корыто овсяный ком и, ударяясь о его бока, рассыпается на отдельные зернышки.

«Мачеха будет довольна», – устало думает Белинда. «Довольна? – язвит в голове тоненький голосок. – Да она лопнет со злости!» «Не лопнет», – возражает девочка. «Не лопнет, – ехидно соглашается голосок, – а придумает новую каверзу, еще более затейливую».

– Ведьма! – злорадно вопит Ядвига, вылезая из-за мешков, сваленных в углу, и, не дав сводной сестре опомниться, уже мчится по лестнице вверх, захлебываясь от восторга и повторяя: – Ведьма, мама, ведьма! Я все видела!

До возвращения отца Белинду продержали под замком в подвале.

– Дорогой, ты же понимаешь, – услышала девочка, когда хмурый слуга привел ее в гостиную, – это просто недопустимо!

Мачеха, стоя к ней спиной, заламывала руки, втолковывая что-то серьезному отцу. Ее густые волосы, свитые жгутами, как черные гадюки змеились по спине.

– Мы не можем жить под одной крышей с ведьмой. – Голос Сюзанны звенел от едва скрываемого злорадства. – А если завтра она вздумает превратить нас в жаб?

– Если бы я могла это, ты давно бы месила тину в ближайшем болоте, – запальчиво бросила Белинда, подходя ближе.

Мачеха, отшатнувшись от нее, бросилась на шею отцу.

– Дорогой, ты слышал, что она сказала? Какие еще доказательства тебе нужны? Твоя дочь – настоящая ведьма!

– Она всего лишь сказала, что будь она ведьмой, то сделала бы это, – с усмешкой поправил ее отец, потирая виски, ставшие седыми после смерти первой жены. На его некогда подвижном и улыбочивом лице словно застыла ледяная маска безучастности и равнодушия. Иногда Белинде казалось, что мачеха заменила горячее сердце отца на ледышку, поэтому он стал таким равнодушным к собственной дочери.

– Я не ведьма, – вспыхнула девочка.

– Я знаю, – мягко улыбнулся отец, и сквозь ледяную маску проступило тепло морщинок в уголках рта и глаз, на мгновение возвращая ему прежний, уже почти позабытый Белиндой облик. – Ты не ведьма. Ты – волшебница...

– Как ни назови, а все равно – ведьма! – встряла мачеха.

– Как и твоя мать, – словно не слыша ее, добавил мужчина с седыми висками.

– Что? – ошеломленно воскликнула Белинда.

– Что?! – завизжала Сюзанна. – Ее мать была ведьмой? И ты молчал?

– Не кричи! – оборвал ее отец. – И не смей называть Эстель ведьмой. Она была величайшей волшебницей. До тех пор пока не стала матерью.

– Но почему я не знала об этом? – пытливо спросила Белинда, не обращая внимания на стенания мачехи («Бедная я, бедная! Попала в гнездо черной магии! Это ведьмино отродье меня до гроба доведет!»).

– Твоя мама отказалась от волшебства после твоего рождения, – поколебавшись, объяснил отец. – Она считала тебя самым большим своим чудом и не хотела подвергать ребенка опасности, с которой часто бывает сопряжено применение магии. Она никогда не демонстрировала при тебе свои способности: не хотела, чтобы ты знала об этом.

– Но почему?

– Она опасалась, что ты захочешь стать волшебницей, как и она, и будешь просить научить тебя магии.

– Но разве это так плохо? – смешалась Белинда.

– Я не знаю, что заставило ее отказаться от своего дара, но уверен, что причина была очень и очень серьезной. Она не хотела, чтобы ты была волшебницей. Но, видимо, ее дар передался и тебе.

– Я сегодня же собираю вещи! – повысив голос, объявила Сюзанна.

– Скатертью дорожка, – обрадовалась Белинда.

– Я собираю твои вещи, – с противной ухмылочкой уточнила мачеха. – Завтра же тебя здесь не будет!

– И где же она будет? – угрожающе произнес отец.

– У чародейки конечно же! – медовым голосом пропела Сюзанна, адресуя супругу самую сладкую свою улыбку. – Девочке нужно научиться управлять своими способностями, а для этого ее следует отдать в ученицы к волшебнице. В соседнем королевстве как раз живет одна такая...

Белинда умоляюще обратилась к отцу:

– Я не хочу уезжать!

– Сюзанна права, – избегая ее взгляда, ответил он. – Ты должна...

– Ничего я не должна! Мама не хотела, чтобы я была волшебницей, значит, я ею не буду! – топнула ногой Белинда.

Отец задумался.

– Но, дорогой! – повысила голос мачеха. – Она колдовала в подвале, Ядвига видела!

– Может быть, напомнить, как я там очутилась? – вежливо предложила Белинда.

– Да, кстати, – озадачился отец, – а что ты там делала? Вы с Ядвигой играли в прятки?

– Скорее, Ядвига играла в шпиона, а я...

– А-а-а! – страшным голосом вскричала мачеха и юлой завертелась на месте. – А-а-а!

– Что случилось? – всполошился отец.

– А-а-а! – продолжила вопить Сюзанна, взмахивая руками и ожесточенно почесываясь. –

Она наслала на меня порчу, я вся чешусь!

– Белинда! – Отец сурово сдвинул брови.

– Но, папа, – возмутилась девочка, – я не...

– Не желаю ничего слушать, – возразил отец. Закатав рукав Сюзанны до локтя, он обнаружил на лилейной коже супруги зреющие на глазах нарывы и в бешенстве повернулся к дочери.

– Но это не я! – смешалась та.

Не переставая стенать, Сюзанна за спиной отца злорадно улыбнулась и показала девочке язык. У Белинды от гнева зашипало в носу, а с пальцев посыпались золотые искры.

– Ну что я говорила! Это все она! Она смерти моей хочет! – взвизгнула Сюзанна, прячась за спину мужа.

– Вон отсюда! – рявкнул отец на дочь и, отвернувшись, принялся утешать стонущую супругу.

Белинда сорвалась с места и понеслась прочь. От отца, ставшего ей совсем чужим, от дома, переставшего принадлежать ей, от мачехи, показавшей свое истинное лицо.

Лицо ведьмы.

Глава 1

Счастливый билет прачки Аннет

Не было бы счастья, да королева родила!

Аннет

Если бы в королевстве Эльдорра вздумали выбирать самую бедную, обездоленную, униженную и оскорбленную жительницу, ею вне всякой конкуренции стала бы дворцовая прачка Аннет.

Но в первый весенний день пятого года правления короля Кристиана сама Аннет чувствовала себя счастливейшей женщиной не только в Эльдорре, но и в целом мире. Причиной тому был сверток из застиранной и пестрой от заплаток ткани, который прачка с благоговением держала в руках.

– Я назову тебя Анжеликой в честь любимицы королевы, – с нежностью прошептала она, и сверток заворочался в ее красных, огрубевших от тяжелой работы ладонях, впился в лицо Аннет взглядом круглых темно-голубых, как вода в январской проруби, глаз и протестующе пискнул.

– Не нравится? – простодушно удивилась прачка и принялась перебирать в памяти имена своих постоянных клиенток – дам из королевской свиты. Аннет была уверена, что с таким именем ее дочурку ждет куда более красивая жизнь, нежели ее собственная. – Что, если Гортензия? – с надеждой произнесла она, вспомнив изящную брюнетку-графиню, служанка которой, забирая ворох чистой одежды, всегда оставляла прачке серебряную монетку – невиданная щедрость! Но малышка лишь нахмурила бровки и недовольно уставилась на мать. – Вот ведь незадача, – огорчилась та. – А как тебе Каролина? Нет? Ладно, ладно... А Матильда? Тоже не нравится? Тогда – Виктория? Опять нет? А вот какое красивое имя – Габриэлла, – перечислила она имена самых богатых леди королевства, сделавших удачную партию. – Тоже нет? Тогда, может, Виолетта? – с придыханием спросила Аннет, огласив имя самой прекрасной придворной дамы, и неуверенно добавила: – Ты даже на нее чем-то похожа...

Девчушка недовольно завозилась в ее руках, и мать с облегчением вздохнула:

– Ну и хорошо, задавака она, эта Виолетта, слуг за людей не считает, то ли дело – Элеонора, та хоть и не такая красавица, зато нос от нас не воротит.

Но Элеонорой новорожденная зваться тоже не пожелала.

– Как жаль, что твой отец не дожил до твоего рождения, – вздохнула Аннет. – Уж он бы смог разрешить мои сомнения. И крестных фей у таких, как мы, увы, не бывает. Волшебница-то всегда подсказала бы счастливое имя для своей крестницы.

Дочь в ответ только угукнула и наклонила голову: мол, сама справляйся.

Запас имен уже подходил к концу.

– Натаниэлла? Флоренсия? Сесилия? – с надеждой перечисляла прачка, но ответом ей было недовольное сопение и ворчание. – Ну не Мари же тебя называть! – с досадой сказала под конец молодая мать, и малышка заинтересованно причмокнула губами. – Нет-нет-нет! – взволнованно возразила Аннет. – Половину дворцовой прислуги зовут Мари. Мари – это бедность, Мари – это тяготы и лишения, Мари – это крест на счастливой жизни. Мари – это когда гнешь спину от зари до зари за медную монетку, выслушиваешь одни оскорбления и выходишь замуж за последнего бедняка или непросыхающего пьяницу, который тебя к тому же и бьет. Не такой жизни хочу я для тебя, моя сладкая!

Но в ответ на эти убедительные доводы девочка только радостно агукала и безмятежно улыбалась.

– Хуже Мари может быть только Аннет! – горько всхлипнула мать и решительно заявила: – Нет, Каролина, даже не уговаривай меня!

На что дочь разразилась такой убедительной истерикой, что у прачки заложило уши и успокоить разбушевавшуюся малышку смогли только слова:

– Тише, моя Мари, тише.

Отстоявшая свое право новорожденная расслабленно обмякла в руках матери.

– Что ж, Мари так Мари, – вздохнула та и чуть слышно добавила: – Буду звать тебя так, но полным именем будет Марта – в честь весны, когда ты родилась. Может, весна возьмет тебя под свое покровительство и подарит хоть чуточку своего процветания.

С рождением дочери и без того тяжелая жизнь прачки сделалась еще тягостней. Работы не убавилось, напротив, измотанной и обессиленной женщине казалось, что ее стало еще больше. Уже на следующий день после родов она вновь стояла у лохани с бельем и отстирывала в чуть теплой воде пятна от вина и новомодного лакомства – шоколада – на тончайшей ткани изысканных нарядов свиты и самой королевской семьи. Слуги помогали ей, как могли: кучер таскал тяжелые ведра с водой, две другие прачки старались взять на себя больше стирки, но и они не справлялись с объемом работы. Аннет не жаловалась на свою участь – после гибели мужа, который зимой сорвался с крыши дворца во время починки кровли, дочь стала ее единственной отрадой и смыслом жизни. Она с негодованием отвергла предложение управляющей, прозванной Злюкой, сдать девочку в приют и поклялась ей, что рождение ребенка никак не скажется на качестве ее работы.

Выполнять клятву было невероятно трудно. Казалось, злобная баба специально нагружает ее стиркой, чтобы вынудить сдаться, поймать на невыполнении обязанностей и поставить перед выбором – или работа за медный грош, или дочь. По ночам Аннет плакала в свою соломенную подушку, а днем трудилась на пределе своих возможностей. Так не могло продолжаться долго, и все шло к тому, что прачка потеряет свою работу... Через две недели это произошло. Рождение дочери у королевы Гвендолин положило конец восьмилетней карьере прачки Аннет.

За несколько дней до этого события придворный лекарь объявил, что королева вот-вот разрешится от бремени. Эта весть мигом облетела дворец, и в прачечную доставили двенадцать корзин с грязным бельем. Его следовало немедленно привести в порядок к праздничному балу, который даст король в честь рождения первенца.

Коллеги Аннет засучили рукава, а Аннет схватила за пищашую дочь, требующую очередной порции молока. За этим занятием и застала ее Злюка, нагрянувшая с очередной проверкой. Тон вредной бабы, с садистским наслаждением отчитывающей ее мать, так не понравился юной Марте, что та возопила во всю силу своих младенческих легких и, увлекшись сольным исполнением, не смогла остановиться и после ухода Злюки. Терпение Аннет убывало, а вот белья в корзине не убавлялось, а то, чтокисло в лохани, не спешило стираться само собой. Прачка безуспешно пыталась унять голосящую дочь, но та замолкала лишь на ее руках – стоило положить девочку в колыбельку, которая стояла тут же, рядом с корзинами и лоханью, на мокром от воды и скользком от мыльной пены полу, как та заходила в плаче. Обеспокоенная Аннет решила пренебречь своим основным принципом: «Никогда не замачивай на завтра то, что можно выстирать сегодня» – и собралась на следующий день совершить невозможное и перестирать три корзины белья – ее сердобольные товарки взяли на себя по четыре с половиной корзины каждая, забрав часть ее работы. Это решение стало для прачки роковым.

Королева разродилась раньше времени, той же ночью. Бал был перенесен на вечер того же дня. Одежда, которую перестирали другие прачки, едва успела высохнуть, а леди и джентльмены, не дождавшиеся своих нарядов к балу, обрушили шквал негодования на голову управляющей. Та не замедлила перенести их гнев на несчастную Аннет и поспешила дать ей расчет.

– Куда же я пойду? – рыдала прачка, прижимая к груди плачущий сверток. – У меня никого нет!

– Раньше надо было думать, милочка, – прошипела Злюка, сунув ей в руку горсть медных монет. – Нечего плодить нищету.

– Раньше у меня был муж! – пронзительно всхлипнула Аннет. – Он был мне поддержкой и опорой.

– А потом я предлагала тебе приют, – злорадно припомнила управительница. – Ты отвергла мою милосердную помощь. Так что счастливо оставаться – тебе и твоей горемыке.

– Не говорите так! – возмутилась молодая мать.

– А что я сказала не так? – язвительно поинтересовалась Злюка. – Или ты думаешь, что твоя оборванка счастливицей уродилась? Какая мать, – она окинула презрительным взглядом вытертую и заплатанную одежду прачки, – такая и дочь будет.

– Да что вы понимаете! – вскинулась на защиту малышки Аннет.

– Или ты думаешь, высшие силы приставят к ней добрую тетушку-фею, которая ее жизнь в сказку превратит? – продолжала издеваться управительница.

– А почему бы и нет? – вспыхнула прачка.

– Тогда ты еще глупее, чем я думала, – фыркнула Злюка. – Что ж, отправляйся искать ее за дверями этого замка. Чтобы духу твоего здесь к вечеру не было.

И вредная баба резко развернулась на каблучках и собиралась величественно выплыть из убогой комнатухи, когда судьба подставила ей подножку: дама поскользнулась на мыльном полу, замахала руками, пытаясь удержать равновесие, но вместо этого проехала по доскам к лохани и приземлилась прямым в холодную грязную воду, которая осталась после вчерашней стирки. Смачно чавкнула вода, переливаясь через край, полетели в стороны брызги, заверещала управительница, прыснула, спрятав лицо, прачка. Юбки Злюки мгновенно напитались водой и придавили свою хозяйку к дну лохани. Она беспомощно барахталась в посудине и сыпала ругательствами, не в силах подняться.

– Вам помочь? – преувеличенно любезно поинтересовалась Аннет.

Вместо ответа управительница с силой дернула ногами, пытаясь принять хотя бы полусидячее положение, и вовсе перевернула лохань так, что ее дно оказалось у нее за спиной, а край – под пятой точкой. Мыльная вода хлынула на доски, тут же превратив пол каморки в палубу тонущего корабля. Злюка дернулась всем телом, силясь подняться, но вместо этого распласталась на полу лицом вниз. Сверху на нее рухнула лохань.

Аннет округлившимися глазами посмотрела на оборки юбок, расплывшиеся из-под краев посуды, и коротенькими шажками, стараясь не поскользнуться, крепко прижимая к себе затихшую дочку, ринулась к двери. Надо было спасаться бегством, пока старая ведьма не очнулась. Теперь путь во дворец ей был навеки закрыт. Злюка никогда не простит ей того, что жалкая прачка стала свидетельницей ее позора, и уж наверняка сживет со свету. Только куда же теперь идти? Аннет беспомощно оглянулась и робко шагнула к двери в самом конце коридора.

В тот же день волшебницы Эльдорры собрались на чрезвычайное заседание. Повод для встречи был серьезный – рождение принцессы. Помимо основных своих занятий, чародейки брали на себя опеку над самыми родовитыми и богатыми наследницами королевства, проще говоря подрабатывали крестными феями. Иметь в крестных волшебницу считалось хорошим тоном и было модно среди аристократических семейств. Были времена, когда виконты и герцоги устраивали целые аукционы, чтобы заполучить для своих дочек самую искусную представительницу магической профессии. Но затем менее востребованные чародейки взбунтовались, создали Общество защиты крестных фей (ОЗФ) и выработали целый кодекс правил в отношении распределения крестниц и собственных обязанностей. Согласно кодексу, при рождении

каждой именитой девочки¹ волшебницы собирались на совещание, на котором общим голосованием и выбиралась будущая опекунша. Из числа претенденток исключались те, у кого уже имелись крестницы. Таким образом, на право стать крестной феей для принцессы сегодня претендовали семь волшебниц. Четверо – с солидным послужным списком счастливо выданных замуж крестниц (благополучное замужество подопечной считалось высшей задачей феи, с ним прекращалось участие волшебницы в судьбе девушки), две подающие надежды молодые чародейки и одна юная неумеха, пропустившая собрание из-за очередного неудачного колдовства.

– Кто бы сомневался, – пренебрежительно хмыкнула Патриция, одна из семи кандидаток в крестные принцессы, когда глава ОЗФ Лукреция зачитывала пергамент от отсутствующей Белинды, полученный с полуденными голубями.

– Итак, – обратилась она к притихшим коллегам, – надеюсь, все понимают, что реальных претенденток на это место семь?

– Зря ты так о девочке, – укорила ее убеленная сединами соседка Агнесс, крестная шестнадцатилетней дочери герцога. – Между прочим, я бы не стала списывать ее со счетов. Это место просто создано для нее.

По рядам собравшихся пронесся ропот.

– А почему нет? – продолжила свою мысль уважаемая волшебница. – Подумайте сами. Сама судьба уготовила новорожденной девочке счастливую жизнь. Ее родители красивы и умны, значит, и дочку красотой и умом природа не обделила. Они богаты и наделены властью – значит, она никогда не будет знать нужды ни в деньгах, ни в женихах. У принцессы есть все для счастья. В ее случае наличие крестной феи – скорее дань моде, нежели необходимость. Крестной и трудиться-то особо не придется – с ее обязанностями справится и волшебница-недоучка. Это работа для лентяйки, а не для трудолюбивой чародейки.

В зале повисла настороженная тишина. Никому из кандидаток не хотелось признавать себя лентяйкой или недоучкой, но в то же время каждая мечтала заполучить себе в крестницы саму принцессу и утереть нос остальным. Не так уж часто в Эльдоре появляются на свет девочки королевских кровей, за последние пятьдесят лет это всего второй случай.

– Ты права, Агнесс, эта девочка родилась с золотой ложкой во рту, и ей нет большой нужды в крестной фее, – признала Лукреция. – И ты права, что ее крестной не придется особенно утруждать себя, устраивая судьбу подопечной. Достаточно будет не мешать ее жизни идти своим чередом. Но ты можешь поручиться, что Белинда будет стоять в стороне и не разовьет бурную деятельность по осчастливливанию своей первой крестницы? Вспомни, как она мечтает попробовать себя в этом качестве, сколько прошений она подавала за год членства в ОЗФ. Неужели ты думаешь, что, если мы дадим ей такой шанс, она им не воспользуется – в свойственной ей манере?

Среди собравшихся пробежал короткий смешок.

– Ты знаешь мое отношение к Белинде, – продолжила Лукреция, – я уверена, что девочка еще проявит себя с лучшей стороны. Но, как глава фей, я должна в первую очередь заботиться о благополучии принцессы. Зная Белинду, можно ожидать чего угодно: и что королевская казна истощится, и что принц, предназначенный ей, влюбится в другую, а сама принцесса подурнеет лицом и поглупеет до состояния винной пробки, – закончила свою речь фея.

– Как скажешь, – махнула рукой ее оппонентка. – Я всего лишь предположила, что большого вреда не будет...

– Крестная фея должна приносить пользу, а не вред! – строго сказала Лукреция. – И тем более мы не можем рисковать благополучием королевской семьи.

¹ Мальчиками ведали маги, но почему-то институт крестных магов в королевстве не прижился, и крестный фей был большой редкостью. — *Здесь и далее примеч. авт.*

– Но ты же знаешь Белинду, – возразила Агнесс. – Она не успокоится, пока не добьется своего.

– Да уж, упрямая, как ослица! – пробурчала Лукреция.

– Что, если мы поручим ей опеку над какой-нибудь новорожденной девочкой из бедной семьи? – предложила Агнесс. – Хуже-то не будет.

– Хуже быть не может только в том случае, если ее родители – самые бедные и несчастные люди в королевстве, – язвительно вставила Патриция.

– А что, это мысль, – оживилась Лукреция и обернулась к блюдцу, висящему у нее за спиной. – Ну-ка, покажи нам самую несчастную молодую мать в Эльдорре!

Матовую темно-синюю поверхность словно заволокло дымкой, а когда она развеялась, блюдце отразило плачущую молодую женщину в сером чепчике и заплатанном бесформенном платье, сидевшую на скамье в темной каморке и державшую на руках младенца.

– Ближе, – требовательно запросила Лукреция.

Блюдце, повинаясь ее властному голосу, приблизило изображение ребенка: большие голубые глаза, губки бантиком, вздернутый носик. До слуха собравшихся донесся приглушенный голос матери: «Куда же нам теперь идти, Мари? На что теперь жить?»

– Вот и подходящая девчушка! Похоже, ее мать в отчаянии, и положение более бедственное трудно себе вообразить. Вряд ли помощь Белинды сможет им повредить, – рассудила Агнесс.

– Вы недооцениваете Белинду, – хмыкнула Патриция, но запнулась, поймав укоризненный взгляд соседки.

– Хотя бы из уважения к ее матери, – добавила Агнесс, обращаясь к Лукреции, – дай девочке шанс проявить себя.

– Что ж, раз ты настаиваешь и если никто не против... – глава фей обвела взглядом собравшихся чародеек, но возражений не последовало, – тогда поручим Белинде опеку над этой девочкой. А теперь, я надеюсь, мы можем перейти к главной теме нашего собрания?

Волшебницы оживились и приготовились выслушать предвыборные речи кандидаток на роль крестной для принцессы.

– Аннет, просыпайся! Просыпайся скорей! Тебя ищут!

– Кто? – перепугалась прачка, вскакивая со скамьи, на которой провела ночь. Впрочем, почему провела? Аннет бросила недоуменный взгляд на темное окно. Значит, ночь еще продолжается, кому же она понадобилась в такое время? – Злюка узнала, что я здесь?

– Нет, не волнуйся, я ей ничего не сказала, – успокоила ее судомойка Одиллия, приютившая подругу до утра в своей каморке. Другие слуги по несколько человек жили в более просторных комнатах, а Одиллия жила одна по той простой причине, что в бывший чулан, который ей отвели для жилья, помещался всего один лежак, да и тот пришлось изрядно укоротить. – Хотя она преувеличенно внимательно тобой интересовалась и просила передать тебе, что хочет извиниться...

– Что?! Оди, ты шутишь?

– Нет, – протянула служанка. – Ты знаешь, кажется, она не в себе после того, как твоя лохань ей на макушкубрякнулась.

– Еще бы, я ее понимаю, – прыснула Аннет. – Поди, свирепствует, рвет и мечет.

– Наоборот, – со смешком поведала Одиллия. – Ходит как шелковая, не ругается, не скандалит, меня сегодня похвалила за усердную работу – представляешь? Наша Злюка сделала сама доброту. Давно надо было ее в лохань уронить.

– Оди, – поторопила ее Аннет, – так кто же меня ищет, если не она?

– Не поверишь – придворный лекарь! – взволнованно сообщила судомойка. – Он на кухне уже побывал, сейчас сюда спустится.

– О боже! – непонимающе вскрикнула прачка. – Я-то ему зачем, Оди? Или он мне хочет предъявить счет за исцеление Злюкиной макушки?

– Не знаю, чего он хочет, но я бы на твоём месте не высывалась, – посоветовала Одиллия. – Сиди тихо. А лучше спрячься в углу под тряпками, – она указала взглядом на ворох подстилок и одежек, которыми прислуга спасалась от холода в своих нетопленных комнатuşках.

Аннет послушно скользнула к тряпичной куче, прижимая малышку к груди, и тут Марта, потревоженная ото сна, раскрыла рот, намереваясь спеть свою самую громкую песню.

– Нет-нет-нет, только не это, Мари! – испуганно зашептала мать. – Нет, Мари, моя малышка Мари, моя славная Мари. Тихо-тихо, не выдавай свою мамочку!

Девочка заворожено внимала словам матери и, словно прислушавшись к ним, закрыла ротик, а за ним и глазки. Аннет облегченно вздохнула и юркнула в мягкий ворох тряпья. Да как раз вовремя – в коридоре раздался шум, сквозь дверную щель мелькнули отблески огня.

– Сиди, как мышка! – шепотом предостерегла Одиллия, накинула сверху тряпку, замаскировав беглянку, и на цыпочках подкралась к двери, прислушиваясь к шуму. Её комнатuşка находилась в самом конце коридора, и судомойка слышала, как содрогаются от требовательного стука двери её соседей, как дрожат от волнения голоса заспанных слуг и как звучит имя прачки в устах строгого лекаря. Шум приближался все ближе, вот стукнула дверь её ближайших соседок, поломоек. Одиллия затаила дыхание и бросила взволнованный взгляд на ворох тряпок, под которыми укрылась Аннет. Все было тихо: прачка замерла в своём убежище, её дочка тихонько спала. Только бы она не проснулась! Решив не дожидаться, пока кулак лекаря обрушится на дверь её каморки, судомойка высунула нос в коридор. И как раз вовремя: процессия в лице лекаря и горничной, держащей фонарь над головой, уже потеряла интерес к поломойкам и двинулась к последней двери.

– А что, если мы её не найдем, господин Жюльен? – тоненько пискнула горничная.

– Молись, чтобы нашли, – взволнованно ответил лекарь. – Иначе нам несдобровать.

– Но ведь есть же другие! – возразила служанка.

– Других мы сможем найти только завтра, – огрызнулся лекарь. – А к тому времени королева из нас душу вытрясет!

– Не нашли? – поинтересовалась Одиллия, выскальзывая из-за двери и прикрывая её за собой.

– Это вы? – Разочарование лекаря было так велико, словно он был осужденным на казнь, которому только что отказали в помиловании.

– Я, – смущенно призналась судомойка.

– Дьявол! – не сдержавшись, воскликнул придворный лекарь и обернулся к хорошенькой горничной: – Эту девушку я уже допрашивал на кухне. Она ничего не знает. Боюсь, не сносить нам с тобой головы. – Жюльен с досадой ударил своим могучим кулаком по стене.

Одиллия вздрогнула, с опаской покосившись на дверь, и в этот момент из её каморки раздался залиvistый плач младенца. Оттолкнув судомойку в сторону, лекарь бросился в комнату.

Так Мари, вовремя подав голос, круто повернула жизнь матери и свою собственную.

Глава 2

Безумный день, или Дебют Белинды

Нет на свете такого заклинания, которое не под силу испортить нашей крестной фее.

Аннет

Аннет ликовала. Кто бы мог подумать, что ее дочка станет для нее билетом в высшую лигу слуг! Прачка в самых дерзких мечтах и помыслить не могла о том, что станет кормилицей новорожденной принцессы. Однако ж – нате! – стала. К счастью для Аннет, у королевы не было молока, а она оказалась единственной служанкой во дворце, которая смогла компенсировать эту недостачу. Лекарь чуть ей руки тогда не целовал, когда нашел в камерке Одиллии, и дурашливо причитал, что, если бы не она, королева Гвендолин это молоко из него бы самого сцедила.

Конечно, не будь на дворе ночь и не зайдись новорожденная принцесса плачем от голода, вполне возможно, Аннет бы так не повезло, и кормилицу нашли бы на следующий день путем придирчивого отбора среди дородных горожанок. Но удача улыбнулась бедной разжалованной прачке: на дворе была ночь, дородные горожанки сладко спали, а принцесса, возжелавшая свою порцию молока, со свойственной королевской нетерпеливостью не захотела ждать до утра.

Горничная, пришедшая с лекарем, срочно подобрала Аннет новое форменное платье и кипенно-белый передничек, какие носила королевская прислуга. Из-за белизны передничков чернорабочие называли эту прислугу «белой» и считали их задаваками, втайне мечтая однажды очутиться на их месте. И буквально через десять минут после того как лекарь выудил сопротивляющуюся Аннет из вороха тряпья, она, умытая, причесанная, приодетая и преображенная до неузнаваемости, уже стояла у дверей королевской опочивальни. Даже статный и привлекательный Жюльен взглянул на нее с интересом и отвесил дежурный комплимент, чем поверг прачку в страшное смущение.

– Ты ее нашел, Жюльен? – обратилась к нему бледная и усталая женщина, в которой прачка с трудом признала блистательную королеву. Гвендолин она видела только однажды, когда Одиллия сильно простудилась и не смогла вымыть посуду во время пира, а Аннет вызвалась выручить ее. Вся кухонная прислуга тогда украдкой бегала смотреть на королевскую чету и их гостей. Не удержалась и Аннет: она смогла заглянуть в щелочку за портьерой, отгораживающей зал от хозяйственных помещений, на целых десять секунд...

Теперь не она, а уже королева разглядывала ее во все очи, как будто Аннет была какой-нибудь важной особой.

– А она мила, – с облегчением улыбнулась Гвендолин, обращаясь к лекарю. – Я боялась, что ты приведешь мне какую-нибудь чумазую страшилу.

– Она прачка, ваше величество, – любезно сообщил тот, как будто работа Аннет могла послужить ей рекомендацией.

– Прачка? – нахмурилась было королева, но тут же захлопала в ладоши. – Да это же просто восхитительно! Значит, она чистоплотная, раз имеет дело с водой. Что ж, милочка, – обратилась она к Аннет, – если вы понравитесь моей дорогой дочурке, о стирке можете забыть.

Дочурка, словно услышав, что о ней речь, тут же залилась оглушительным ревом. Аннет нерешительно глянула на детскую кроватку, утопающую в розовых кружевах.

– Что же ты стоишь? – поторопила ее королева. – Накорми ее скорей. Надеюсь, у тебя достаточно молока?

– Да-да, ваше величество, – пробормотала прачка, бросаясь к кроватке, – не извольте волноваться, его у меня даже больше, чем нужно.

У кровати Аннет на мгновение замерла – ей показалось кощунством запускать свои огрубевшие красные руки в эти воздушные кружева, брать мозолистыми трудовыми ладонями это нежное, хрупкое дитя. Но дитя так трогательно причмокнуло губами и потянулось к ней ручонками, что прачка порывисто подхватила его на руки и, стыдливо отвернувшись к стене, расстегнула пуговички на платье.

Изголодавшаяся принцесса с наслаждением припала к разбухшей от молока груди и, втянув в себя половину ее содержимого, безмятежно уснула прямо на руках кормилицы.

Измотанная бессонной ночью королева с облегчением откинулась на подушки.

– Жюльен, – велела она, – распорядись, чтобы девушке приготовили ее новую комнату.

– А как же моя дочь? – испуганно шепнула Аннет, когда лекарь вывел ее в коридор.

– Не волнуйся, она переезжает вместе с тобой, – тепло улыбнулся он.

С той самой ночи жизнь прачки круто перевернулась. Она переехала наверх и поселилась на одном этаже с «белой» прислугой. От принцессы и королевской семьи ее теперь отделял только один этаж – таким образом, Аннет всегда была рядом, когда могла понадобиться, и в то же время ее голосистая дочурка не доставляла неудобств коронованным особам. Лекарь Жюльен стал все дольше задерживаться с ней наедине, ссылаясь на то, что должен наблюдать за здоровьем принцессы, но наблюдал он все больше за молоденькой кормилицей, не сводя с нее добрых карих глаз. Помимо поклонника, у недавней прачки появились новые наряды, теплый плед, удобная мебель и самая вкусная еда с королевского стола, ведь теперь от ее питания зависел вкус молока для юной принцессы. Ее новая комната была вчетверо больше прежней каморки – и все же в десяток раз меньше, чем детская ее подопечной.

На третий день своего пребывания в новой должности Аннет сидела в спальне принцессы, держала малышку на руках и кормила ее грудью, с любопытством разглядывая драгоценные подарки, которые прислали принцессе короли соседних государств и местные аристократы. Подарки громоздились на узком столике напротив камина и переливались всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца. Здесь был большой золотой конь с глазами-сапфирами; золотой ангелочек с очами-изумрудами, на крылышках которого сияли алмазы; виноградная гроздь из янтаря и изумрудное яблочко; похожая на редкий цветок бабочка из серебра с россыпями драгоценных камней и бутон золотистой розы, на лепестках которого застыли капельки бриллиантовой росы...

Аннет увлеченно наклонила голову, завороченно глядя, как мерцают искорки света, отражаясь от красивых стекляшек, как вдруг в комнату ворвался ураган и, пронесшись перед глазами перепуганной кормилицы, врезался в столик с подарками, опрокинув половину из них. С мелодичным звоном упала на пол роза, покатилося по паркету изумрудное яблочко, опасно накренился ангелок, и пустился вскачь стоящий на самом краю конь, подпрыгнув со стола и приземлившись прямым на голубую туфлю нежданной гостьи, появившейся из эпицентра урагана, который развеялся так же быстро, как и возник.

– Ядрена фига! – завопила та, выдергивая носок туфли из-под копыт коня. – По мне как будто единорог проскакал!

Аннет круглыми глазами смотрела на незнакомку, которую непонятно каким ветром занесло на королевскую половину дворца. Это была невысокая худенькая девушка, ее ровесница, не старше двадцати лет. Ее прямые темные волосы были затянуты на затылке в узел, из которого торчала деревянная палочка, а губы перепачканы шоколадом. Одета она была в голубое платье с облегающим лифом и струящейся юбкой, а в руках держала остроконечный колпак с вуалью. От созерцания гостьи Аннет отвлек звук бьющегося стекла – это изумрудное яблочко, прокатившись через всю комнату, врезалось в чугунные ножки напольного подсвечника и расколосось на части.

– Ой! – пискнула Аннет, отнимая от груди насытившуюся принцессу. – Что теперь будет!

– Спокойствие! – с улыбкой осадил ее девушка. Затем быстрым движением выдернула из волос палочку, водрузила на голову колпак задом наперед, так что вуаль накрыла ей лицо, и ткнула палочкой в угол комнаты. Из кончика деревяшки вырвался голубой огонек, который опустился мерцающей сеточкой на осколки, собирая их воедино, и вот уже целый фрукт, поднявшись в воздух, пролетел по детской и осторожно приземлился на изрядно опустевший столик. – Ну, что я говорила? – Девушка торжествующе обернулась к ошарашенной кормилице, сдувая мешающую вуаль с лица. – Вам, мамаша, повезло с крестной феей!

– Это было яблоко, – сдавленно произнесла Аннет.

– Что? – нахмурилась девушка.

– До того как оно разбилось, это было яблоко, – повторила кормилица, глядя на изумрудные очертания фрукта, теперь больше напоминавшего обкусанную с одного бока грушу.

– Да? – озадаченно спросила незнакомка. – Ничего страшного, я немного близорука. – Она обезоруживающе улыбнулась и ткнула палочкой в драгоценную грушу, которая тут же раздулась на глазах и превратилась... в тыкву. – Так лучше, правда? – с надеждой обернулась она к Аннет.

– Э-э-э... – протянула та, прижимая к груди уснувшую принцессу, – а вы не могли бы ее уменьшить? Вот до такого размера? – Она пальцами показала размер прежнего яблока.

– Вам не нравится? – искренне огорчилась девушка. – Что же... – Она взмахнула палочкой, и тыква сдулась до размеров яблока.

Аннет вздохнула с облегчением, надеясь, что король и его супруга не заметят большой разницы между мини-тыквой и яблоком. Гостя тем временем, путаясь в платье, подняла с пола розу и коня, вернула их на столик и изучающе уставилась на кормилицу. Вуаль, лезшая в глаза, явно мешала процессу знакомства.

– Шляпка, – тактично намекнула Аннет, – вы надели ее задом наперед.

– Ядрена фига! – Девушка сконфуженно улыбнулась и исправила свою оплошность. – О, так куда лучше! – просияла она, избавившись от дурацкой вуали.

– В самом деле, – согласно кивнула кормилица.

– Вы уж меня извините, первый день в роли крестной феи, – доверительно сообщила незнакомка, – еще толком не освоилась с униформой.

– В роли кого? – удивленно переспросила Аннет.

– В роли крестной феи, – расплылась в белозубой улыбке гостя. – Меня зовут Белинда.

А вы Аннет?

– Да, это я, – выдавила потрясенная кормилица.

– Вы ведь прачка? – уточнила она.

– Да, я... – выдавила Аннет. – Только...

– И у вас есть маленькая дочь? – Глаза Белинды зажглись азартным огнем.

– Да, но...

– Тогда я – к вам! – радостно перебила ее девушка и, заметив округлившиеся глаза Аннет, спросила: – Что-то не так?

– Просто я представляла крестных фей другими, – смущенно ответила та.

– Вы тоже считаете, что я слишком молода? – огорченно спросила волшебница.

– Да нет, не в этом дело, – тщательно подбирая слова, начала Аннет, но тут ее речь прервал пронзительный крик принцессы. – Тише, тише, моя крошечка, – взволнованно зашептала она, баюкая девочку на руках, – тише, тише, хорошая.

В ответ на это принцесса продемонстрировала свой вздорный нрав, и детскую потряс раздирающий душу вопль. Даже Белинда вздрогнула и выронила свою палочку, которая укатилась под ноги кормилице. Пока фея ползала по полу, поднимая свой профессиональный инструмент, Аннет успокаивала плачущую девочку – но тщетно, та лишь сильнее закатилась в приступе рыданий.

– Сейчас-сейчас, – морщась от ее воплей, пообещала Белинда, поднимаясь на ноги, и взмахнула палочкой, ткнув ею в вопящий сверток. В ту же секунду голубой огонек коснулся губ малышки, и в комнате воцарилась тишина. Аннет, замерев, глядела на незакрывающийся ротик принцессы, на ее подрагивающее в истерике тельце и не слышала ни звука. Она в недоумении тряхнула головой, решив, что оглохла, и тут раздался голос довольной собой Белинды:

– Ну вот, что я говорила? Так гораздо лучше!

– Что вы с ней сделали? – ужаснулась кормилица.

– Успокоила ее, – благодушно сказала фея. – Она же больше не плачет?

– Да вы только посмотрите на нее! – Аннет подошла к гостье и ткнула сверток ей в лицо.

– Да... – протянула озадаченная чародейка.

– Вы сделали ее немой! – в панике вскричала кормилица.

– Разумеется нет! – с негодованием возразила Белинда. – Но если вам больше нравится, как она вопит, – пожалуйста! – Она демонстративно пожала плечами и махнула палочкой. Голубой огонек ударился о губы малышки, и с них слетело коровье мычание.

– Му-у-у!!! – надрывалась принцесса. – Му-у-у-у-у!

– Ах! – вскрикнула Аннет, чувствуя, как ее колени подгибаются, а ее карьера королевской кормилицы летит в тартарары. Откуда она только свалилась на ее бедную голову, эта горе-волшебница? И как теперь оправдываться перед королевой? Да о какой карьере речь, ее на костер отправят, как злую ведьму, которая навела на принцессу страшное заклятие!

Пока кормилица в панике мычала, вторя гласу своей молочной дочери, Белинда сосредоточенно бормотала себе под нос странные слова и тыкала палочкой в пеленки. После каждого такого тычка тональность детского ора кардинально менялась. Протяжное «му-му» сменилось дребезжащим «ме-е-е», «ме» переросло в «мяу» и «кукареку», петушиная песнь перетекла в собачий лай и, наконец, завершилась волчьим воем. Близкая к обмороку Аннет отскочила к окну и взирала на удрученную волшебницу, словно на чудовище.

– Я думала, ты – добрая фея, а ты – злая ведьма, – проскулила она, готовая защищать принцессу до последнего вздоха.

– Да что ты говоришь, – горестно воскликнула Белинда и всплеснула руками.

– Даже не думай! – вскрикнула Аннет, проследив за взмахом волшебной палочки в руках чародейки. – Не смей больше колдовать!

– У-у-у-у, – по-волчьи провыла принцесса, соглашаясь с кормилицей.

– Да я просто растерялась, – с несчастным видом оправдывалась Белинда. – Я же первый день, я об этом столько лет мечтала... Да что ж это такое-то?! – Она шлепнулась на пол пятой точкой, сорвала с головы колпак, прижала его к груди и протяжно зарыдала.

Аннет ошарашенно переводила взгляд с воющей принцессы на безутешно плачущую фею, утиравшую нос вуалью. Как-то не вязалась ее истерика с образом злой ведьмы.

– Ну, не реви, слышишь, не реви, – осадил ее кормилица. – Лучше думай давай, как дело исправить!

– Кажется, придумала, – радостно всхлипнула Белинда, неуклюже поднимаясь с пола и размахивая палочкой.

– Уверена, что это правильно сработает? – с опаской уточнила Аннет. – И что девочка после этого не заревет белугой и не закаркает вороной?

Фея быстро-быстро закивала головой.

– Да-да, уверена, зуб даю! Это я прежде напутала, а теперь я точно вспомнила.

– Ну хорошо, я тебе верю, – вздохнула кормилица и с замиранием сердца оставилась на волшебную палочку, очертившую зюзу в воздухе, и на голубой огонек, слетевший с ее кончика и коснувшийся губ принцессы. Девочка на мгновение задохнулась, потом закашлялась и тоненько, по-младенчески, захныкала. Аннет с облегчением вздохнула и прижала ее к себе.

– Ты не думай, – шмыгнула носом Белинда, водружая на голову мятый колпак с мокрой вуалью, – я не дура. У меня просто опыта маловато. Я вообще очень способная.

Аннет недоверчиво хмыкнула, баюкая принцессу на руках.

– У меня просто необычный подход к волшебству, – призналась фея. – Вот и случаются иногда конфузы.

«Лучше бы эти конфузы случались вдали от меня и принцессы», – подумала про себя кормилица, с тоской предчувствуя, что отвязаться от чародейки будет непросто.

– Итак, – Белинда поправила колпак и, воспользовавшись замешательством Аннет, торжественно опустила кончик волшебной палочки на лоб принцессы. – Нарекаю тебя... Как ее зовут? – озадаченно поинтересовалась она у кормилицы.

– Изабелла, – машинально ответила та.

– Нарекаю тебя, Изабелла, – провозгласила чародейка, – своей крестницей и обещаюсь быть твоей крестной феей, твоим ангелом-хранителем и твоей доброй волшебницей до дня твоей свадьбы, оберегать тебя от неприятностей и злых людей... Э-э-э, что же там еще? – запнулась Белинда. – Ага! Сделать твою жизнь счастливой и полной радости и найти тебе превосходного жениха. – С кончика палочки слетел голубой огонек, который закружил вокруг малышки и волшебницы, окутав их голубым мерцающим облачком и ароматом полевых цветов. – Ура! – воскликнула фея и выжидающе уставилась на Аннет.

– Ура, – тоскливо подхватила та. «Какая-то эта Белинда все-таки странная фея, – думала она. – Мне всегда казалось, что подобные обряды должны проводиться в присутствии родителей. Надеюсь, что обряд, проведенный не по правилам, считается недействительным, и судьба уберезет принцессу от такой крестной».

– Кстати, – с любопытством спросила волшебница. – А почему ты назвала свою дочь, как принцессу?

– Что? – недоуменно хлопнула ресницами Аннет и потрясенно замолчала. Перед ее глазами заплясали золотистые искорки, закружились в хороводе, образовали кокон высотой в человеческий рост, а когда они рассыпались звездочками по полу, в комнате появилась еще одна гостья. Миловидная, чуть полноватая блондинка лет тридцати в розовом платье и с уже знакомым Аннет колпаком на голове, не оставляющим сомнений в ее профессиональной деятельности, с достоинством ступила вперед, лучезарно улыбнулась и торжественно провозгласила:

– Приветствую мою дорогую крестницу Изабеллу, родившуюся под счастливой звездой и...

Но стоило ей увидеть Белинду, застывшую над принцессой со своей палочкой, как тщательно спланированная речь оборвалась, а улыбка померкла.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она, подскочив к фее.

– Пришла познакомиться со своей крестницей, – растерянно ответила та, инстинктивно отступая назад.

– Вон отсюда! – рявкнула блондинка, и ее хорошенькое личико перекосила гримаса презрения. – Вон, пока не натворила глупостей! Не смей приближаться к принцессе!

– К принцессе? – рассеянно переспросила та. – Это же дочь прачки!

– Прачки? – взвизгнула белокурая волшебница. – Глаза разуй, тетеха! Где ты здесь видишь прачку?

– Да вот же она! – Белинда ткнула пальцем в замершую на месте Аннет.

– Вы прачка? – строго переспросила незнакомка.

– Б-бывшая, – пролепетала девушка. – А теперь кормилица.

– Чья? – наседали блондинка.

– Принцессы Изабеллы.

– Это она? – Волшебница жестом указала на малышку.

- Да, – подтвердила Аннет.
- Не может быть... – ошеломленно прошептала Белинда.
- Тебе грамоту повитухи показать? – вконец рассердилась блондинка. – Это принцесса, а это, – она выудила из-за пояса свиток с гербовой печатью, – приказ о моем назначении ее крестной феей. Так что кыш отсюда, не мешайся под ногами. Топай к своей крестнице. Проводите ее к вашей дочери, – велела она онемевшей Аннет.
- Э-э... – потупилась Белинда. – Боюсь, это и есть моя крестница.
- Что? – Блондинка побагровела и задохнулась от ужасной догадки. – Ты взяла ее под опеку?!
- Боюсь, что так, – осторожно призналась фея.
- Ну я этого так не оставлю! – взревела блондинка и крутнулась вокруг своей оси, рассыпав в воздухе сотни розовых блесток. Когда они опали на пол, в комнате остались только Белинда, кормилица и юная принцесса.
- Куда это она? – тихо спросила Аннет.
- Похоже, что побежала жаловаться в ОЗФ, – пригорюнилась незадачливая чародейка.
- Куда?
- В Общество защиты фей.
- А это поможет? – с надеждой поинтересовалась кормилица.
- Белинда задумчиво почесала палочкой затылок, отчего ее волосы из темно-каштановых сделались сливово-синими, и многозначительно изрекла:
 - Вряд ли. При посвящении между феей и крестницей устанавливается особая магическая связь, и расторгнуть ее может только свадьба подопечной.
 - Что же это значит? – дрогнула Аннет, глядя на метаморфозы с волосами волшебницы и гадая, чем может обернуться для малышки-принцессы покровительство такой чародейки.
 - Это значит, что у меня теперь две крестницы, – довольно улыбнулась Белинда.
 - Как две? – в панике протянула кормилица, догадываясь, к чему клонит фея.
 - Принцесса Изабелла и твоя дочь. Как ее, кстати, зовут?
 - Мари, – прошептала Аннет, – Марта.
 - Красивое имя, – деликатно отозвалась Белинда и добавила: – Вообще-то, согласно кодексу фей, каждой из нас позволительно иметь только одну крестницу.
 - Правда? – с надеждой подалась вперед Аннет.
 - Клянусь своей палочкой, – подтвердила чародейка. – Но есть и исключения. Фея может взять под свою опеку и молочную сестру своей крестницы, если такая есть. Правда, такие случаи очень редки, потому что волшебницы предпочитают заботиться только о девочках благородного происхождения, а дочери их кормилиц – низшего сословия. Признаться, – она вновь почесала палочкой затылок, и синие волосы сделались огненно-красными, – таких примеров в истории не было, так что я буду первой феей, которая взвалит на себя подобную ответственность.
 - Ну что ты, – поспешно заверила ее Аннет, – в этом нет необходимости. Таким, как мы, крестные феи не положены. Так что даже не беспокойся – мы с дочкой ни в коем случае не претендуем на твое покровительство и не хотим быть обузой.
 - Да что ты! Какая обуза! – горячо возразила Белинда. – Это мне только в радость! Я почти два года ждала этой возможности, и теперь у меня сразу две крестницы. Вот счастье-то! – Она взволнованно взмахнула рукой, и палочка, выскользнув из ее пальцев, пролетела над столом с подарками, ударившись о фигурки ангела и коня и щедро рассыпав голубые искры.
 - Ой! – потрясенно вскрикнула Аннет, глядя на голову ангела, которая теперь выростала из шеи коня, и лошадиную морду, красующуюся на месте ангельского личика.

Палочка тем временем, с треском выплескивая искорки, рухнула на пол, в мгновение ока прожгла в нем ровный круг размером с таз для полоскания белья и упала этажом ниже, вызвав переполох среди слуг.

– Ничего страшного, – ободряюще улыбнулась Белинда, – у меня дома есть еще десять запасных палочек. Все время у меня с ними что-то случается, – смущенно призналась она.

Аннет осторожно подкралась к краю образовавшейся дыры и заглянула вниз.

– Что здесь происходит? – раздался властный голос королевы у нее за спиной, и Аннет от неожиданности чуть не улетела в отверстие. – Что это такое? – Брови Гвендолин поползли вверх, когда она увидела громадную дыру посреди превосходного невелианского паркета из красного дерева. – Кто это? – Она грозно глянула на Белинду, присевшую в реверансе. – Почему посторонние в спальне принцессы? Я спрашиваю, что за безобразие тут творится?

– В самом деле – безобразие, – подала голос ангельская голова на шее золотой лошадки и плаксиво потребовала: – Верните мне мою изящную фигуру!

– А мне нравится! – радостно заявила лошадиная морда, разминая ангельские крылышки и взмывая в воздух. – Иго-го, иго-го! Кто сказал, что лошади не летают? – довольно заржала она, делая круг по залу на глазах у ошеломленной публики.

Впечатлительная королева красиво, словно срезанный цветок, опала на пол в обмороке. Менее впечатлительная кормилица на ватных ногах сумела добраться до диванчика и плюхнуться на него, крепко прижимая к груди принцессу. Озадаченная Белинда переводила взгляд с бесчувственной королевы на очумелую кормилицу, в отчаянии мяла в руках колпак и была готова разрыдаться.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она. – Только сбегая за новой палочкой и все исправлю! И, едва не снеся дверь с петель, она ринулась из детской.

Мгновением позже в комнате возникли две сияющие воронки, розовая и лиловая. Из одной появилась уже знакомая Аннет блондинка в розовом; из другой, со словами «Надеюсь, еще не поздно все исправить», шагнула статная русоволосая дама лет пятидесяти в лиловом платье. При виде летающей под потолком и дико ржущей крылатой фигурки, энергично скачущей по полу золотой лошадки с человеческой головой, бездыханной королевы и перепуганной служанки с младенцем на руках вновь прибывшие испытали настоящее потрясение.

– Боюсь, мы опоздали, – вздрогнув, признала Лукреция (а это была именно она), лихорадочно соображая, как выпутываться из этой абсурдной ситуации.

– Надо что-то делать! – с досадой запричитала блондиночка. – Действия Белинды – позор на всю нашу профессию!

– Увы, тебе не хуже меня известно, что против волшебства Белинды противодействия нет, – прошипела глава ОЗФ, уворачиваясь от летящего прямо на нее существа с лошадиной мордой.

– У-ю-юй! – проверещала белокурая чародейка, по тувелькам которой только что проскакал тяжелый золотой конь с лицом ангела.

– Значит, ты говоришь, она успела приложиться своей палочкой к челу принцессы? – безнадежно уточнила Лукреция.

– Не удивлюсь, если она ее от души хрястнула, – процедила несостоявшаяся крестная Изабеллы и пытливо уставилась на жмущуюся в углу кормилицу.

– Ну, если только самую малость, – слукавила та.

– Значит, вы подтверждаете, что обряд состоялся? – с горестным видом осведомилась дама в лиловом.

– Никогда не присутствовала при этом раньше, – призналась Аннет, – но если вы имеете в виду, что она, ткнув в малышку палочкой, клялась защищать и опекать ее до самого замужества, а потом их обеих охватило голубое сияние, то все это было именно так.

– Ужасно! – хором воскликнули феи и удрученно переглянулись.

– А кстати, где она сама? – Лукреция обернулась к кормилице.

– Ушла за новой волшебной палочкой, – сообщила та. – Обещала вернуться и все исправить.

Лица волшебниц дрогнули, при этом брови старшей драматически взметнулись вверх, а с личика младшей сошла вся краска. Судя по их реакции, ничего хорошего обитателям замка возвращение феи не сулило.

– Пожалуй, нам лучше уйти, – возвестила Лукреция, отступая назад, и потянула за собой блондинку.

– А как же мы? – умоляюще воскликнула Аннет.

– Да пребудет с вами удача, – с чувством пожелала старшая волшебница, обводя вокруг себя палочкой и исчезая в дождике сиреневых искр.

– И сила духа! – торопливо выпалила блондиночка и сделала шаг назад, собираясь последовать примеру своей коллеги, но наступила на край дыры в полу и, беспомощно замахав руками, с душераздирающим воплем свалилась вниз.

Крик волшебницы привел в чувство королеву, и она со слабым стоном приподнялась на полу, внимательно оглядела детскую, проследила взглядом за порхающей статуэткой, ошеломленно уставилась на несущуюся прямоком на нее золотую лошадку с женским личиком и не придумала ничего лучше, чем снова упасть в обморок. Лошадь, с радостным улюлюканьем перескочив через королеву, по инерции проехала через весь зал и свалилась в люк с воплем и последовавшим за ним диким грохотом. Аннет искренне надеялась, что приземлилась она не на лоб несчастной блондинки. Спустя мгновение в воздухе над дырой вспыхнуло знакомое голубое сияние.

– Только не это, – сдавленно прошептала кормилица.

– А вот и я! – радостно махнула рукой Белинда, разгоняя мерцающие искорки и, не нащупав ногами пола и лишившись поддержки волшебного свечения, рухнула в яму, прожженную своими же руками.

Ангелок с лошадиной мордой озадаченно повис в воздухе над люком, наблюдая за кучей малой, которая образовалась внизу.

– Что здесь происходит? – раздался громкий голос короля, и вошедший Кристиан ошарашенным взглядом обвел покои своей дочери.

– Здравствуйте, я ваша крестная фея! – торжествующе провозгласила Белинда, медленно выплывая из дыры в полу.

После эффектного явления Белинды королевскому семейству прошло три недели. Родители Изабеллы направили жалобу в союз магов и строго-настроено запретили страже пускать чудаковатую волшебницу на порог дворца. Однако настырная фея упрямо просачивалась в замок и ревностно рвалась исполнять свои обязанности крестной. К счастью, король и королева, будучи заняты более важными делами, нежели забота о дочери, не видели всех результатов этой опеки и вскоре смирились с присутствием Белинды.

Свидетельницей шокирующих метаморфоз и ужасающих заклинаний частенько была одна Аннет. За первую же неделю молодая мамаша заработала пучок седых волос, закалила нервы и научилась осторожно обращаться со словами, ведь теперь от ее осмотрительности зависело благополучие обеих девочек. Ибо стоило ей обмолвиться, что Мари сегодня что-то бледна, как Белинда хваталась за палочку, и личико малышки становилось черным, как уголь. Аннет стоило немалых усилий без паники наблюдать за тем, как чародейка торопится исправить свою ошибку, размахивая палочкой, и кожа Марты меняет свой цвет с черного на зеленый, с зеленого на жгуче-красный и уже с красного на естественный нежно-розовый. А если кормилица волновалась, что девочки плохо кушают, на малышей нападавал такой жор, что они залпом выпивали все молоко и потом мучались коликами. Однажды Аннет чуть не лишилась работы, когда Белинда, посокрушавшись, что бедным малышам целыми днями приходится

пить одно и то же, заменила молоко в ее груди на вишневый компот! А поскольку волшебница не могла отменить свои заклинания с первой же попытки, бедной девушке пришлось пережить немало неприятных минут, сцеживая из груди красное вино, яблочный сидр и простоквашу.

Свидетелями ее мучений были еще две жертвы феиных проделок – ожившие статуэтки, головы которых поменялись местами. Белинда так и не смогла вернуть их на место и вынуть из фигурок жизнь. Король и королева снисходительно отнеслись к ожившим скульптурам, тем более что у ангела с лошадиной мордой обнаружился талант к рассказыванию анекдотов, и он стал желанным гостем на королевских приемах, потеснив из любимцев карлика-шута. А лошадка с головой ангела стала незаменимой помощницей для Аннет. Она с удовольствием приглядывала за маленькой Мартой, пока кормилица пропадала в покоях принцессы, и, как только малышка подавала голос, галопом неслась по лестнице вверх, чтобы привести Аннет. Слуги и постоянные обитатели замка быстро привыкли к порхающему над головами коне-ангелу и скачущей под ногами лошадке. Вскоре все придворные уже знали их по именам – ангелочек с копытами взяла себе имя Грациэлла, а хохмач с лошадиной мордой величал себя Фергюсом. И лишь гости в первые дни своего пребывания во дворце в ужасе шарахались от непонятных существ, а потом с удовольствием слушали анекдоты Фергюса и с почтением уступали дорогу Грациэлле.

Аннет за эти дни уже смирилась с постоянным присутствием Белинды и даже подружилась с ней. «В конце концов, она же неопытная крестная, – оптимистично утешала себя кормилица, – со временем научится и перестанет делать глупости». А пока глупостям чародейки не было ни конца, ни края, ни счета.

Лукреция, наблюдавшая за действиями Белинды в волшебное блюдо, за три недели выпила годовой запас успокоительного зелья и, наверное, поседела бы целиком, если бы ее роскошные волосы не были бы заговорены от седины, перхоти, выпадения и блох. С того самого момента, когда негодующая Друзилла появилась в ее садике, где Лукреция предавалась мечтам о молодом садовнике, волшебница не знала покоя. Разгневанная фея жестоко вырвала ее из плена грез и помешала довести до конца приворотное заклинание. Из-за этого все волшебство пошло прахом, и бедняга-садовник влюбился в рябую молочницу, как раз проходившую мимо.

Надо же было такому случиться, что за те три дня, пока Белинда лечила шишки после неудачного полета на метле, прачка сумела взлететь в королевские кормилицы и прописаться в покоях принцессы! Лукреция отчасти слукавила, когда поручала Белинде заботы о дочери прачки. Она описала ее мать как женщину, происходящую из благородного семейства, но по прихоти злого рока в одночасье лишившуюся всего и вынужденную зарабатывать себе на жизнь тяжелым трудом. Сердобольная Белинда чуть от жалости не разрыдалась и торжественно поклялась беречь малютку как зеницу ока и вырастить из нее настоящую принцессу. На этом моменте Лукреция, помнится, вздрогнула, вспомнив Друзиллу, которой в результате голосования и досталась честь стать крестной королевской дочери. Но глава фей легкомысленно рассудила, что Белинда, при всей ее рассеянности, не сможет перепутать прачку с королевой, а каморку прислуги – с королевской опочивальней. Было бы, конечно, куда спокойнее, если бы прачка жила на расстоянии пушечного выстрела от дворца, а не в его подвале, но и в этом случае промашки быть не могло. И потом, Друзилла должна была вот-вот очутиться во дворце и взять принцессу под свою опеку, так что у Белинды просто не было шанса наломать дров. Как показали дальнейшие события, Лукреция ее недооценила.

Белинда, покинув ее кабинет, в тот же миг рванула во дворец и переместилась «туда, где прислуга». Формулировка была такой расплывчатой, что палочка закинула ее не в жилую половину, а на кухню, где фея едва не угодила в котел с шоколадом, но все же умудрилась вылакать половник лакомства на глазах у опешивших поварят. После чего волшебница вновь взмахнула палочкой и выразилась точнее, велев доставить ее к прачке Аннет, и очутилась в спальне принцессы. Если Белинда и удивилась роскоши обстановки комнаты прачки, то не

подала виду: ей так не терпелось приступить к роли крестной феи, что все остальное было неважно. Главное, что девушка, сидящая перед ней, и впрямь оказалась прачкой по имени Аннет, а на руках она держала младенца, которого называла «моя малышка»...

Друзилла явилась слишком поздно – Белинда уже успела дотронуться до принцессы своей палочкой, и теперь ни одна волшебная сила в мире не могла разрушить возникшей между ними связи. А о том, чтобы дать Белинде напарницу, которая будет сглаживать последствия ее заклинаний, не могло быть и речи. Во-первых, это строго противоречило правилам, которые исполнялись уже две сотни лет, а во-вторых, такой самоубийцы, которая рискнула бы обречь себя почти на двадцать лет жизни бок о бок с неумехой Белиндой, среди фей просто бы не нашлось. Поэтому Лукреция, убедившись в том, что «случилось страшное», малодушно сбежала из спальни принцессы и, получив негодующее послание от королевской четы, написала любезный ответ, в котором не было ни слова правды, кроме того, что Белинда – дочь знаменитой волшебницы Эстель.

Услышав из уст главной феи королевства, что Белинда – дочь самой чародейки Эстель, лучшая из подчиненных Лукреции и невероятно талантливая, опережающая свое время волшебница и что ее странности – отражение уникального дара, перешедшего ей от матери, король и королева смирились с причудами феи. Теперь они с нетерпением ждали дня, когда Изабелле исполнится один месяц, чтобы впервые представить принцессе придворных и удивить гостей талантами ее крестной. Забегая вперед, следует сказать, что надежды Кристиана и Гвендолин оправдались с лихвой, а слух о талантах Белинды прогремел на все королевство...

Глава 3

Чудеса без тормозов

*Заставь Белинду чудо сотворить, она тебе лоб расшибет.
Фергюс – Грациэлле*

Бал в честь месяца со дня рождения принцессы Изабеллы обещал быть роскошным. Портные и прачки работали днями и ночами, первые шили наряды для богатейших придворных, которые никогда не появлялись на праздничных приемах дважды в одном наряде, вторые – приводили в божеский вид платья менее привередливых персон. Главный повар колдовал над меню, охотники носились по лесам и полям, заготавливая дичь. Во дворце царило радостное возбуждение и предвкушение праздника. И лишь Аннет с ужасом ожидала его наступления, ведь в числе прочих развлечений предполагалось представление публике необыкновенной крестной, по слухам, искусно распространенным королевой, прославившейся своими талантами на всю Эльдорру. Одно было хорошо в этой ситуации: Белинда большую часть времени пропадала за пределами дворца, репетируя волшебные фокусы к балу. По ее собственным словам, она готовила «большой сюрприз для гостей и королевской семьи».

Грациэлла и Фергюс с увлечением делали ставки, устоит ли дворец после подобных фокусов и какой способ изберет непутевая волшебница для демонстрации своих разрушительных талантов – пожар, потоп или землетрясение. Грациэлла, со свойственным ей ангельским добродушием, настаивала на том, что все обойдется незначительным пожаром без особых последствий. А Фергюс, с присущим ему цинизмом, убеждал товарку по несчастью и близкую к обмороку Аннет в том, что фея устроит потоп, а для ликвидации потопы прибегнет к землетрясению, которое, в свою очередь, вызовет ураган и полное обрушение замка. И настоятельно советовал заблаговременно покинуть дворец и подыскать себе уединенное жилище в глухом лесу, где их никогда не найдет расторопная Белинда. Кончались эти шуточные перепалки обычно с появлением самой феи, которая искренне недоумевала, почему так веселятся конь и ангел и отчего так смущается кормилица.

Вот и на этот раз Фергюс с залихватским ржанием улетел под потолок и уселся на люстре, болтая человеческими ножками. Грациэлла, тоненько хихикая, ускакала к камину, а Аннет с преувеличенной заботой склонилась над принцессинной колыбелькой.

– Как хорошо, что вы все здесь! – обрадовалась Белинда, поправляя колпак, в процессе транспортировки съехавший набок. – Послезавтра уже праздник, и я так волнуюсь, так волнуюсь!

Она в возбуждении взмахнула палочкой, и голубая молния, сорвавшись с ее кончика, ударила прямоком в сидящего на люстре Фергюса. Тот с оглушительным ржанием свалился вниз, на мягкий ворсистый ковер, прикрывающий залатанную дыру в полу и, потирая ушибленные бока, проворчал:

– А мы-то как волнуемся!

– Извини, – сконфуженно пролепетала волшебница. – Никак не приручу эту упрямую палочку.

Фергюс многозначительно посмотрел на нее, словно говоря: плохой маг во всем винит подручные средства, и с несвойственной ему деликатностью перевел разговор на другую тему:

– Так о чем ты там, душа моя, переживаешь?

– Как это о чем? – поразила Белинда. – Смогу ли я удивить всех своими волшебными умениями!

– Уверен, ты удивишь всех без исключения, и все королевство только и будет говорить о твоих... э-э-э... фокусах, – с чувством сказал Фергюс.

– Это точно, – протянула Аннет, не сводя глаз с люстры, на которой распускались белые цветы.

– Что это? – полюбопытствовала Грациэлла, закинув голову и нервно перебирая копытами.

Достигнув расцвета, лепестки белым снегом опали на ковер, а на люстре аппетитно заалели вишни.

– Поздравляю с урожаем, – хохотнул лошадиноголовый, воспаряя к потолку и придиричиво разглядывая ягоды.

– Я сейчас все исправлю! – удрученная Белинда поправила колпак и взмахнула палочкой.

– Нет-нет, – торопливо остановила ее Аннет, – не стоит! Лучше я позову горничных, и они соберут такую прекрасную вишню. Чего добру зря пропадать?

– Правда? – просияла фея и горделиво подбоченилась, бросив торжествующий взгляд на парящего под потолком Фергюса. Мол, видишь, какая от меня польза! Тот пролетел мимо нее и опустился на край колыбельки, у которой стояла Аннет.

– Только скажи им, чтобы сами не ели и скоту не скормили, – тихо посоветовал он ей, широко улыбаясь фее. – А то не хватало нам, чтобы во дворце мор начался или накануне приема служанки обернулись козочками.

– А что, если мне этот фокус и на пиру повторить? – с воодушевлением предложила Белинда, приняв ухмылку коня за искреннее одобрение. – Кстати, я уже наведалься в зал торжеств и насчитала там семь люстр. Я тогда не придумала, как задействовать их в своем представлении, а тут они как раз кстати придутся. Только представьте себе – на одной люстре зреют вишни, на другой – апельсины, на третьей – яблоки, на четвертой – виноград... – разошлась волшебница.

– Виноград – это банально, – преувеличенно равнодушно заявил Фергюс. – Сейчас в моде нурийские бананы и ливенские кивы. То-то диво!

– Вот как? – огорчилась Белинда. – Видно, отстала я от жизни. Не пробовала еще ни бананов, ни кив.

– Лучше расскажи, что у тебя в праздничной программе запланировано, – подала голос Грациэлла.

– Да я вам лучше покажу! – обрадованно откликнулась фея. – Мне же надо провести генеральную репетицию!

– Здесь? – подавленно простонала Аннет.

– Сейчас? – испуганно затряс гривой Фергюс.

– Перед нами? – взволнованно встала на дыбы Грациэлла.

– А вы не хотите? – обиженно спросила Белинда.

– Да что ты! – замахал руками Фергюс. – Мы только об этом и судачим целыми днями, да гадаем, что за сюрпризы ты приготовила гостям.

– Правда? – просияла волшебница. – То-то я думаю, чего вы на меня так странно смотрите, когда я появляюсь.

– Да уж, истомились совсем, – тихонечко фыркнул Фергюс.

– Итак, – взволнованно защебетала Белинда, выкатывая на середину зала низкий столик и убирая с него вазу с фруктами, – поскольку мероприятия у меня заготовлены с размахом, оценить весь их масштаб вы не сможете. Ведь это сюрприз, и я не могу показать его раньше времени всем остальным! Поэтому я покажу вам его миниатюрную версию. – Фея сосредоточенно уставилась на невидимую точку перед собой и взмахнула палочкой, обрисовывая контуры замка. С архитектурой у Белинды дела обстояли так же худо, как с магией, поэтому строение, которое возникло на столике, моделью королевского дворца можно было назвать

с большой натяжкой, изрядно покривив душой. – Дворец! – с гордостью провозгласила фея, дорисовав палочкой последнюю покосившуюся башенку, и, придирчиво обобрав творение рук своих, добавила последний штрих – бело-голубые флажки на верхушках.

– Как настоящий! – «восторженно» воскликнула Грациэлла и лягнула Фергюса, уставшего парить в воздухе и присевшего рядом с ней.

– Ого-го! – непроизвольно заржал тот, и волшебница довольно улыбнулась.

Аннет, уложив спящую принцессу в колыбельку, подошла к столику и теперь с любопытством разглядывала дворец размером с табуретку, склонив голову набок. Ибо только под таким углом стены замка выглядели прямыми.

– Прелесть! – оценила она, чувствуя, как Белинда сверлит ее взглядом, ожидая положительной оценки.

– Что ж! – радостно потерла руки фея. – А теперь начнем наше представление. Перемещайтесь поближе. – Она приглашающе махнула рукой, и неведомая сила подхватила живые статуэтки и перенесла их на край стола. – Торжества начнутся в тронном зале. – Сверившись с бумажкой, на которой был записан план праздника, Белинда прикоснулась палочкой к крыше дворца, и она стала прозрачной, открыв взору многочисленные комнаты и коридоры. – Вот здесь, – чародейка указала на нужное помещение. Фергюс взлетел над столом, чтобы лучше видеть происходящее, а Грациэлле взяла на руки Аннет. – Я появлюсь перед гостями в вихре голубых искр и добавлю в него аромат белых роз. Как думаете, хорошо? – Она вопросительно обвела взглядом зрителей.

– Хорошо, – осторожно отозвалась Аннет, пока не видевшая в планах волшебницы ничего разрушительного.

– Только не забудь точно рассчитать траекторию своего приземления. Чтобы не сбить с ног кого-нибудь из гостей. Народу-то в зале много будет, – насмешливо предостерег Фергюс, за что тут же получил ощутимый тычок от Грациэллы. Та, извернувшись в руках Аннет, умудрилась достать до конеангела, зависшего в шаге от них.

– Точно, об этом я и не подумала, – удрученно призналась Белинда. – Значит, торжественный круг по залу придется отменить. – Она с огорчением вычеркнула строчку из списка, воспользовавшись палочкой, как карандашом.

Фергюс торжествующе взглянул на смутившуюся Грациэлла: мол, что я говорил? А ты драться! Аннет с трудом подавила смехок, представив, как волшебница сногшибающим вихрем промчалась бы по залу, наведя беспорядок среди стройных рядов почтительно застывших гостей и нагнав на них панику.

– Что же делать? – озадаченно нахмурилась тем временем Белинда, уткнувшись в список. – Во время круга я собиралась украсить зал цветочными венками и букетами роз – представляете, как красиво будет, когда цветы по мановению волшебной палочки возникнут на столах и на стенах?

– О-о-о, – глухо простонал Фергюс, озвучив чувства всех троих и представив себе эту картину. Зная Белинду, картина могла быть только одна: венки вместо стен оказываются на головах у собравшихся, впившись в кожу и безнадежно испортив прически дам, а букеты, разлетаясь по залу, повергают гостей в бегство. И хорошо еще, если этот колючий дождь не накроет колыбельку принцессы!

– Сейчас в моде фиалки, – торопливо сказала Аннет.

– И ландыши, – поспешно добавила Грациэлла.

– Правда? – расстроилась фея. – Но ведь белая роза – это символ королевской семьи.

– Вот именно поэтому недостатка в цветах в зале не будет. Я слышал, что для торжества уже заказали тысячу роз, которые доставят во дворец в день праздника, – авторитетно заметил Фергюс, наказав себе обязательно уточнить этот пункт при встрече с королем и, в случае чего, настоятельно посоветовать заняться этим вопросом.

– Ладно, – легко согласилась Белинда. – Тогда я лишь слегка разбавлю их фиалками. Что ж, с появлением разобрались. Для начала я собираюсь показать собравшимся глазунью...

– Ты хочешь предложить гостям яичницу? – непонимающе переспросила Аннет. – Но насколько я знаю, недостатка в еде не будет...

– И в какой еде, – тоном знатока заметил Фергюс, – сплошные деликатесы. Так что яичницей, даже гигантской, из тысячи яиц, ты их, дорогуша, не удивишь!

– Да не буду я готовить яичницу, – перебила его фея и смущенно пояснила: – Глазуньей я зову искусство двигать предметы одним взглядом. Другие волшебницы называют это как-то по-заморски, тилигинес, что ли, а я окрестила его по-своему.

– Интересно, как ты называешь искусство двигать телом под музыку, то есть пляски, – насмешливо протянул Фергюс.

– Тряски, – простодушно призналась волшебница, вызвав приступ ржания у Фергюса и смех у Грациэллы с Аннет.

– Так что там с глазуньей? – оторжавшись, спросил конеангел.

– О, это будет потрясающее зрелище! – с мечтательным видом объявила фея.

– Не сомневаюсь, – вполголоса вставил Фергюс, – точно так же, как и все твои фокусы.

– Я подумала, что раз на всех собравшихся будут надеты украшения, было бы глупо не воспользоваться такой роскошной возможностью и не устроить полет драгоценностей! – продолжила Белинда.

– В каком смысле? – насторожилась Аннет.

– Я одним взглядом сниму с гостей кольца, серьги, колье, броши и диадемы и заставлю их кружиться в воздухе. Только представьте себе, как будут переливаться порхающие в воздухе алмазы, сапфиры, изумруды, – мечтательно закатила глаза волшебница.

Грациэлла округлила глаза, Аннет схватилась за сердце, Фергюс уронил челюсть. Мысленному взору троицы предстала картина: аристократы, лишившиеся своих фамильных драгоценностей, мечутся по залу, сбивая с ног соседей и пытаясь поймать неуловимые браслеты, кольца и серьги, порхающие над их головами. А кто половчее, тот и свои отловит, и чужие присвоит. Поди потом разбери в этой всеобщей панике, кто свое вернул, а кто чужое заграбастал.

– С ума сойти! – сдавленно пискнула Грациэлла.

– Кошмар! – ужаснулась Аннет.

– Катастрофа! – простонал Фергюс.

– Правда, отлично я придумала? – зарделась Белинда, приняв слова Грациэллы за комплимент и не расслышав реплик ее товарищей.

– Катастрофа! – срываясь на крик, рывкнул конеангел. – Это же будет массовое побоище! Да в погоне за драгоценностями они не только друг друга передавят, но и на короля с королевой не посмотрят. А ведь могут еще и колыбельку с принцессой смести! С такой фантазией тебе не праздники устраивать, а массовые побоища организовывать.

Белинда растроено поникла.

– Но я же хотела как лучше, как красивее, – захлопала носом она.

– Ну-ну, не расстраивайся, – ободряюще потрепала ее по плечу Аннет.

– Я все по-о-о-орчу! – зашла в истерику фея. – Я всем меша-а-а-аю! У меня ничего не получа-а-а-ается!

– Ну зачем ты так? – мягко утешила ее Грациэлла. – Ты просто еще молодая фея, у тебя опыта мало, научись еще.

– Ты правда так думаешь? – с надеждой всхлипнула Белинда.

– Надеюсь, – пробормотала Грациэлла себе под нос, а громко сказала: – Я в этом уверена!

– Спасибо тебе! – Белинда смела лошадку в охапку и порывисто прижала к груди. – Ты прости меня, что я вас с Фергюсом головами поменяла... – повинилась она.

– Да ничего, – соврала та, – нам так даже больше нравится.

– Говори за себя! – возмущенно заржал Фергюс, уперев руки в бока и выставив вперед округлую грудь. – Нам, приличным жеребцам, такие финтифлюшки иметь не положено!

– Финтифлюшки?! – оскорбленно заморгала Грациэлла.

– Ребятки, не ссорьтесь, – примирительно сказала Аннет.

– Вот именно! – согласно кивнул конеангел и заговорщически прошептал вполголоса: – Родина в опасности, и мы должны сплотиться, чтобы встать на ее защиту.

К счастью, Белинда этих слов не слышала и с увлечением кружила вокруг кривой модели дворца, что-то задумчиво бормоча себе под нос.

– Так что там дальше в твоей программе? – вопросительно кашлянул Фергюс.

– Ну, раз полет драгоценностей отменяется, – удрученно вздохнула фея, – может, перенести во дворец лесных эльфов? Представляете, как красиво они будут кружить под потолком?

– Белинда, вообще-то я слышала, что лесные эльфы – самые шаловливые создания на свете, – подала голос Аннет. – Они хоть и ростом с палец, но даже на наших могучих лесорубов страху наводят. Те предпочитают встретить медведя, нежели парочку эльфят. Так что не думаю, что это хорошая идея.

– Ну ладно, ладно, – проворчала вконец расстроенная волшебница. – Тогда просто поколдую над люстрами, чтобы на них выросли фрукты, и пущу стайку красивых бабочек, чтобы покружили над колыбелькой Изабеллы. А самое интересное перенесу в сад на конец праздника. Когда гости выйдут из дворца, закончится все большим праздничным фейерверком, – торжественно провозгласила Белинда и по очереди прикоснулась палочкой к верхушкам башенок, так что из них фонтаном выстрелили разноцветные искорки, соединившись в воздухе и создав разнообразные иллюзии. Над одной башней порхала бабочка, над другой кружила диковинная птица, над третьей завис дракон, над четвертой подпрыгивала белка.

Несмотря на то что иллюзии были размером с кулак и Белинда не переставала повторять, что на самом празднике они будут размером с два человеческих роста, зрители пребывали в искреннем восхищении. Аннет, радостно смеясь, хлопала в ладоши, Грациэлла потрясенно замерла, и в ее глазах отражались отблески огня. Даже Фергюс одобрительно заржал, выражая свою высокую оценку увиденного. Польщенная волшебница провела палочкой по краю стены, и по ней цепочкой побежали красивые огоньки.

– Постой-ка, – с подозрением спросил Фергюс, – а как ты собираешься осуществить это на празднике?

– Я буду летать на метелке и зажигать иллюзии на лету, – с гордостью сообщила фея.

Аннет и Грациэлла с опаской переглянулись. В их памяти еще был жив полет Белинды на метле по двору замка, во время которого она перебила половину дворовых фонарей, зацепилась юбкой за шпиль самой высокой башни и выронила помело. Так что пришлось вызывать трубочиста, чтобы возвращал крестную с небес на землю, и всем скопом ловить неуправляемую метлу, которая пустилась в пляс по двору, ворвалась в курятник и навела там шороха. К счастью, тогда конфуз удалось замять, и свидетелями феиных проделок стали только слуги. А теперь Белинда собиралась навернуться с метлы на глазах у сотни благородных лордов и всей королевской семьи.

– Да не волнуйтесь вы так! – надулась волшебница, заметив вытянувшиеся лица троицы. – Я уже неделю тренируюсь летать в лесу и почти в совершенстве овладела полетами.

– Теперь понятно происхождение твоих шишек и царпин, – фыркнул Фергюс.

– На шишках учатся! – гордо объявила Белинда, насупилась и махнула палочкой, собираясь положить конец представлению. Но иллюзии, вместо того чтобы погаснуть, сорвались с мест и заметались по комнате. При этом бабочка врезалась в высокую прическу волшебницы, да так в ней и запуталась, птица закружилась над колыбелькой принцессы, дракон обратил в бегство Фергюса, а белка по пятам скакала за перепуганной Грациэллой. Аннет бросилась отгонять искрящуюся птицу от Изабеллы и поминутно охала, когда та касалась ее хвостом или

крыльями. Прыткая белка оседлала Грациэллу, и та скакала по комнате, словно под ней была раскаленная сковородка, при этом высоко подбрасывая копыта и пытаясь сбросить нахальную наездницу. Фергюс решил спрятаться от преследующего его дракона в камине, но тот достал его и там, и конеангел, черный как трубочист, свалился на пол и ожесточенно отбивался от противника. Белинда носилась по детской, истерично размахивая палочкой и что-то торопливо выкрикивая. Волосы ее стояли дыбом, а по ним сияющей заколкой скользила бабочка.

Наконец фее удалось найти необходимое заклинание и развеять иллюзии. С треском они растаяли в воздухе, и ошеломленные жертвы поспешили привести себя в порядок. Аннет поправляла чепчик и дула на обожженные пальцы, пострадавшие при схватке с огненной птицей. Грациэлла приглаживала хвост, наэлектризовавшийся после поездки с чумовой белкой и теперь торчавший во все стороны. Фергюс вооружился салфеткой, пытая, наклонил вазу с цветами и, смочив ткань водой, протирал чумазую морду. А сама Белинда провела палочкой по волосам, которые сплелись в причудливую башню, и одним махом разрушила это произведение парикмахерского искусства, создав художественный беспорядок из упавших на плечи каштановых прядей.

– Кажется, мне надо еще немного потренироваться, – удрученно сообщила она, пятась к двери.

Когда горе-фея исчезла за дверью, трое зрителей испуганно переглянулись между собой.

– Представляете, что бы произошло, если бы эти зверушки были размером с два человеческих роста? – тихо спросила Аннет.

– Боже, храни королевскую семью! – закатила глаза Грациэлла.

– И нас, грешных, – со скорбным видом добавил Фергюс.

Утро праздничного дня выдалось дождливым и пасмурным. Несмотря на то что накануне ничто не предвещало непогоды, на рассвете небо заволочло тучами и по крыше застучали звонкие крупные капли. К обеду дороги так развезло, что на мощеном тракте за стенами дворца образовалось скопление блистательных экипажей. Нечего было даже и думать о том, чтобы съехать с покрытой булыжником дороги на жадно чавкающую землю, а сама мостовая оказалась чересчур узкой для такого количества карет.

Все слуги были брошены на помощь гостям, сумевшим таки добраться до дворца. Плотники наскоро соорудили деревянный помост, призванный уберечь приглашенных от топания по лужам. Горничные оттирали замызганные полы одежды баронесс и герцогов. Прачки, согнувшись в три погибели, полировали их туфельки. Единственный во дворце парикмахер был брошен на борьбу с последствиями влажности, которая распрямила тщательно завитые кудри блистательных аристократок и, напротив, закрутила ровные пряди в немыслимые завитушки. Служителя красоты просто раздирали на части в прямом смысле этого слова, и шум и гам, стоявший в приемных и гостиных, едва вместивших в себя всех приглашенных, досадливым гвалтом долетал даже до королевских покоев.

– Что за неприятность! – сокрушалась королева, покачивая головой, так что мягкие локоны из ее высокой прически подпрыгивали пружинками, гипнотизируя ее мужа. – Ведь вчера был такой погожий день! Откуда только взялся этот дождь?! Это все для того, чтобы испортить нам праздник!

– Дорогая, – ласково возражал супруг, поправляя кружевные манжеты, – неужели ты думаешь, что непогода – это происки злых сил?

– Разумеется, – надула губки Гвендолин. – Как же иначе? У нас так много завистников! И куда смотрит крестная фея нашей девочки? Неужели так сложно проследить за тем, чтобы в день рождения крестницы на небе светило солнце?

– Любимая, она крестная нашей дочери, а не ответственная за погоду в королевстве, – мягко улыбнулся Кристиан.

В дверь тихонько постучали, и в покои заглянула кормилица, принеся виновницу торжества. Малышка Изабелла утопала в кружевах, как в морской пене, и Аннет с трепетом держала ее на руках, словно это была не девочка тридцати дней от роду, а произведение искусства. Королева придирчиво осмотрела тончайшее покрывало, в которое была закутана дочь, и только после этого улыбнулась ей. Впрочем, это было лишнее – принцесса сладко спала и не видела обращенной к ней умильной улыбки.

– Вы возьмете ее, ваше величество? – чуть слышно прошептала Аннет, протягивая белоснежный кулек Гвендолин.

– Конечно нет! – изумленно вскинула брови та. – А если она испортит мое платье? – Королева красноречиво провела рукой по светлой парче цвета шампанского. – К началу праздника ты отнесешь ее в колыбельку, которую установили в зале торжеств, и все это время будешь рядом, чтобы в случае чего успокоить ее.

Аннет с трудом подавила вздох. С принцессой приходилось проводить куда больше времени, чем она предполагала, и часто ее собственная дочь оказывалась брошенной. Нет, Мари никогда не оставалась одна – за ней постоянно приглядывали Грациэлла и Одиллия. Королева не разрешила приносить Марту в спальню принцессы, но согласилась нанять судомойку в качестве помощницы для кормилицы. Так Одиллия распрощалась с грязной посудой и фактически поселилась в новой комнате Аннет, став Марте дежурной мамой. Девочка была тихой и не доставляла хлопот – привыкла кушать по расписанию и спать в то время, когда матери не было рядом, но Аннет все равно чувствовала себя виноватой, что не уделяет дочке достаточно внимания. Вот и сегодня Марту придется поручить чужим заботам и почти целый день провести с принцессой.

– Ты не видела нашу крестную, Аннет? – обратилась к ней королева, не замечая расстроенного вида кормилицы.

– Нет-нет, ваше величество, – поспешно ответила та, – Белинда сегодня не появлялась.

– Да и мой любимый конек куда-то запропастился, – промолвил Кристиан.

– Это немудрено, ваше величество, – кротко заметила Аннет, – во дворце такая суета, что затеряться несложно.

– Действительно, – согласился король и улыбнулся кормилице. В отличие от своей супруги, происходившей из обедневшего дворянского семейства и после свадьбы в одночасье взлетевшей на королевский трон, урожденный принц относился к прислуге с отеческой теплотой и никогда не позволял себе резкости в обращении. В то время как новоявленная королева поспешила порвать все связи со своим непрезентабельным прошлым и не упускала случая продемонстрировать свое превосходство над слугами и указать им на их место.

Кристиан подхватил жену под руку, и королевская чета выплыла из своих покоев. До начала праздника оставалось пять минут. Аннет вышла следом и прикрыла дверь, тихонько улыбаясь себе под нос. Она солгала родителям Изабеллы: местонахождение Белинды ей было прекрасно известно. Ведь план по нейтрализации крестной феи на время торжества они разрабатывали вместе – Аннет, Фергюс и Грациэлла.

Фергюс вернулся во дворец с рассветом и удовлетворенно хмыкнул, глядя на стремительно сгущавшиеся на небе тучи. Для того чтобы попасть в дом главы общества фей, ему пришлось покинуть замок на закате и лететь до самой темноты. Еще полночи ушло на то, чтобы ввести Лукрецию в курс дела и уговорить ее вмешаться в ход событий и внести коррективы в план праздничного пира. Язык у конеангела был подвешен хорошо, так что, когда он во всех ужасах расписал перспективы разрушений и человеческих жертв, которые могут нанести фокусы Белинды, Лукреция не стала долго думать. Тем более Фергюс деликатно намекнул, что это будет страшный удар по репутации всех фей королевства. А поскольку Лукреция была обязана соблюдать интересы членов ОЗФ и была прекрасно осведомлена о возможностях своей непутевой подопечной, она ответила согласием.

Посоветовавшись с посланником, Лукреция решила, что лучшим и самым не вызывающим подозрений вариантом будет дождь. Ливень размочит дорогу и, возможно, отобьет охоту некоторых гостей появиться на празднике. Кроме того, после того потопа, который собиралась устроить волшебница, ни о каком продолжении банкета в саду не может быть и речи, а значит, самый опасный фокус Белинды с трехметровыми, враждебно настроенными иллюзиями точно отменится.

На предложение Фергюса вовсе изолировать горе-крестную на время торжества каким-нибудь магическим способом Лукреция сначала ответила категорическим отказом. Но после того как конеангел резонно возразил, что с Белинды станется наколдовать свои ужасные иллюзии и внутри дворца, а тогда вряд ли обитель королей устоит на месте и станет усыпальницей для сотен гостей и слуг, волшебница дрогнула и пошла на попятную.

Договорились, что Фергюс вернется во дворец, встретит Белинду и отведет ее в подвал, по дороге рассказав о странных звуках, которые слышали слуги. Лукреция заранее настроит волшебный провал, который выбросит лошадиноголового и фею за пару-тройку сотен километров от замка. Для волшебницы ее уровня организовать провал на расстоянии – не проблема, и во дворец не придется наведываться. Как только Фергюс и Белинда попадут в пространственную ловушку и очутятся на другом конце королевства, ушлый конеангел убедит безутешную фею в том, что это происки злых сил, отведя подозрение от себя и Лукреции. На то, чтобы вернуться во дворец, понадобится целый день езды, а значит, гости и королевская чета смогут повеселиться безо всяких проблем, которые собирается подкинуть им крестная фея. Организовать обратный провал своими силами Белинде не удастся – слишком сложно, ее появления в вихре искр во дворце, как объяснила Лукреция, сплошное позерство. Белинда перемещается в покои принцессы и комнату Марты из пределов дворца, одолеть большие расстояния ей не по плечу. Конечно, будь у нее на этот раз метла, ручной дракон или волшебный ковер, дорога обратно займет не больше пары часов. Но о том, чтобы фея не захватила с собой метлу в подвал, позаботится Фергюс; ручных драконов во всей Эльдорре не сыскать – все в соседнюю Таврию мигрировали, там гор больше и воздух чище. А единственный в королевстве волшебный ковер принадлежал Лукреции, был спрятан в сундуке и тщательно запечатан тремя охраняемыми заклинаниями, так что за его сохранность можно было быть абсолютно спокойными.

Первая часть плана сработала без сучка и задоринки: Белинда живо откликнулась на предложение Фергюса прогуляться до подвала. Ей страсть как хотелось извести стонущее в подземелье чудище-страшилище и стать героиней дня, продемонстрировав собравшимся гостям голову монстра. Тем самым доказать родителям крестницы, что за свою дочку они могут не волноваться и подобная страшная участь ждет каждого, кто покусится на безопасность принцессы. Но вот со второй частью заминка вышла...

– Что-то я ничего не слышу, – недоверчиво произнесла Белинда, прислушиваясь к звукам за дверью. Звуки полностью отсутствовали, и предвкушение подвига на лице феи сменилось разочарованием.

– Так затаился! Испугался! – поспешно заверил ее Фергюс, в душе ругая себя за то, что не позаботился заранее о душераздирающих столах и леденящих сердце воплях, заручившись поддержкой Грациэллы – голосок-то у нее ого-го!

– Ну давай проверим, – с сомнением молвила волшебница и толкнула потемневшую от времени деревянную створку.

Фергюс юркнул следом и помог закрывающейся двери скорей захлопнуться. Они с феей очутились в кромешной тьме.

– Кто здесь? – нервно спросила Белинда.

– Я тут, – глухо доложил конеангел, врезаясь в спину феи и втолкнув ее напрямик в провал.

– Ядрена фига! – громко выругалась та, замахав руками с палочкой, и вывалилась на поляну, кишмя кишащую вооруженными до зубов гномами.

Фергюс, следовавший за ней, нервно сглотнул и завис в воздухе, гадая, куда они попали и как, собственно, тут очутились? Лукреция гарантировала, что они окажутся на тихой лужайке неподалеку от Малахитовых гор, а никак не в центре военного лагеря бородатых бандитов, лицом к лицу с тощей усатой коротышкой, с триумфальным видом взирающей на окружающий хаос. При виде феи и порхающего над ней на слабых крыльях конеангела коротышка смертельно побледнела и выпучила глаза.

– Белинда?! – выдавила из себя она.

– Ядвига? – растерянно моргнула волшебница. – Так вот ты куда пропала... – Она обвела взором гномов, замерших на месте и воинственно наставивших на них пики копий и острия мечей. – Так это ты собиралась пробраться в королевский дворец? – Белинда гневно сузила глаза и осуждающе ткнула в коротышку волшебной палочкой.

Ядвига с ужасом покосилась на орудие магического труда и благоразумно отскочила на шаг назад, спрятавшись за спины гномов.

– Что вы стоите, олухи! – визгливо заголосила она, обращаясь к своей армии. – Взять ее!

– Живой или мертвой? – деловито уточнил рыжий гном в двурогом шлеме с красными кисточками.

– Неваж... – начала Ядвига, поспешно расталкивая воинов и пятясь назад.

– Что? – взревела Белинда и воздела палочку над головой так, словно это был легендарный меч.

– Спасайся кто может! – истерично выкрикнула Ядвига откуда-то из задних рядов.

Но гномы, незнакомые с магией крестной феи, лишь презрительно загоготали и стали обступать Белинду и кружащее над ней существо плотным кругом.

– Что мы будем делать? – испуганно поинтересовался Фергюс.

– Устроим им хорошенькую головомойку и полный улет, – злорадно пообещала Белинда, продолжая держать палочку в вытянутой руке над головой, и что-то забормотала себе под нос.

Подуло прохладным ветерком, на землю упала тень, а над головой волшебницы сгустилась грозовая туча.

– Гномы дождя не боятся, – загоготали воины, и тут фея быстро-быстро закрутила палочкой, и туча над ней с неистовым воем стала превращаться в воронку.

– Что это? – зароптала армия.

– Полный улет, – выкрикнула Белинда в завершение своего заклинания, и тут же вокруг нее и Фергюса поднялся ураганный ветер. Гномы, словно невесомые куклы, стали отрываться от земли и с дикими воплями улетать в эпицентр воронки. Та засасывала их и бешено раскручивала вокруг своей оси. Наконец, последний из наемников улетучился с полянки в неведомую науку природную аномалию, и взмахом палочки Белинда отправила воронку куда-то на север. Та стремительно унеслась в небо и вскоре пропала из виду.

– Что с ними станет? – нервно сглотнул Фергюс, все это время изо всех сил цеплявшийся за воротник Белинды, чтобы его не сдуло ветром.

– Прольются вместе с дождем где-нибудь над пустынями Игапии, – охотно пояснила волшебница.

– А с этими что делать? – Фергюс нервно покосился на драконов, разлегшихся по краям поляны.

Фея настороженно глянула на крылатых гигантов, не проявляющих ни капли воинственности.

– И не надо на нас так хитро смотреть, с нами такие штучки не пройдут, – спокойно предупредил изумрудный дракон, видимо бывший здесь за главного.

– Я ничего такого и не думала, – порозовела от смущения Белинда и, осмелев, добавила: – А чего вы тогда здесь делаете? Почему не улетаете?

– Отдыхаем, – бесстрастно ответил изумрудный и демонстративно прикрыл веки.

– Отдыхают! – недоверчиво шепнула Белинда Фергюсу, округлив глаза, и поманила Ядвигу, лежащую навзничь на земле и пытавшуюся слиться с травой. – А ну-ка пойди сюда. Это моя сводная сестрица, – небрежно пояснила она спутнику, – все время мне гадости делала в детстве. Но вот уж не думала, что у нее ума хватит столько гномов нанять.

– Тут ума много не надо, – заметил конеангел, – главное, чтобы золото было.

– О, этого добра у нее – целые закрома! – заверила волшебница. – Ядвига у нас богатая наследница моего отца.

– А ты? – недоуменно спросил Фергюс.

– А я – досадное приложение к отцу, владельцу виноградников и торговцу вином; падчерица, после смерти отца лишившаяся всех прав. Ее мамочка постаралась, все к рукам прибрала, – мрачно поведала Белинда.

Услышав про мать, Ядвига приободрилась и вскочила с земли. Видимо, упоминание о деятельной родительнице прибавило пигалице уверенности в себе, и теперь она взирала на сводную сестру с надменностью королевы.

– Ну, и что ты мне теперь сделаешь? – с вызовом поинтересовалась она.

– Сначала ты мне объяснишь, что ты здесь делаешь, – потребовала Белинда.

– Собираюсь напасть на дворец! – хорохорилась коротышка.

– Собиралась, – поправила ее волшебница. – Вот ядрена фига! – Одно дело – подозревать непутевую сестрицу в заговоре, а другое – услышать от нее чистосердечное признание. – Совсем последний разум потеряла!

– Перестань ругаться моим именем, поганая ведьма! – взвилась Ядвига.

– Да из тебя душу вытрясти мало! – Одним прыжком Белинда подскочила к сестричке и схватила ее за шею, как цыпленка. – Зачем тебе это надо?

– Отпусти! Я все маме расскажу! – плаксиво запричитала та.

– Какая же ты дрянь, кочерыжка, – с чувством сказала фея, разжав пальцы, и демонстративно вытерла их о подол платья. – Все успокоиться не можешь, что я волшебницей уродилась, а в тебе магии – ни на ломаный грош? А уж когда я крестной принцессы стала, тебя вообще от зависти перекосило, только и думала, как бы мне подлянку подстроить и в лужу меня посадить, да?

– Я все так хорошо придумала, – злобно зыркнула на нее коротышка. – Драконов пригласила, гномов наняла. Их и уговаривать особенно не пришлось: как узнали, что все богачи королевства в одном месте соберутся, да при лучших цацках, так и рады были во дворец наведаться да их от лишних побрякушек избавить. И как только ты про это прознала, а? Видимо, я тебя недооценила.

– Значит, ограбить королевскую семью и их гостей хотела? – сузила глаза Белинда. – В день рождения принцессы? Дурочкой меня выставить задумала?

– А то это не так, – окрысилась Ядвига. – Такую непутевую волшебницу еще во всем королевстве поискать надо.

– Ну, о моем профессионализме не тебе судить, – оборвала ее задетая фея.

– Так блестяще раскрыть заговор против королевской семьи – дорогого стоит! – ввернул Фергюс.

– А ты молчал бы, уродец, – вызверилась Ядвига, – поди, по вине моей сестрицы лошадиной мордой обзавелся?

– А вот морды попрошу не касаться, – оскорбился конеангел.

– Не тронь моего друга, – осадил нахалку волшебница. – А лучше подумай о своем поведении, пока домой возвращаться будешь. – Она многозначительно скосила глаза на нарядные

шелковые туфельки Ядвиги. – Да, к пешей прогулке ты плохо подготовилась. Так уж и быть – жалую тебе башмаки с барского плеча.

Чародейка взмахнула палочкой, и на голову коротышке свалились два тяжелых деревянных ботинка. Один угодил прямоком в темечко, заставив девицу пошатнуться и брякнуться на траву. Второй добил ее уже на земле. Судя по очумелому взору Ядвиги, ей требовалось не меньше десяти минут, чтобы прийти в себя и отогнать тех разноцветных птичек, что стайками сновали перед ее глазами.

– Что ты задумала? – хмыкнул Фергюс.

– Мы отправляемся во дворец. Надеюсь, успеем к самому разгару веселья, – объявила Белинда. – Господа, – обратилась она к драконам, с интересом наблюдавшим за происходящим на полянке, – как я понимаю, вам уже уплачено вперед. Нам нужно срочно попасть во дворец. Кто из вас соблаговолит стать нашим перевозчиком?

– Я отвезу, – вызвался иссиня-черный дракон с золотистым узором на шее и крыльях.

– Отлично! – просияла Белинда и легко взбежала по его крылу, сопровождаемая конеангелом.

– А с этой что? – Изумрудный кивнул на считавшую птичек Ядвигу.

– Сама дойдет, – ухмыльнулась волшебница. – И одних башмаков не сносит. Это ведь предгорье Острых Пик? – уточнила она, испытующе оглядев верхушки деревьев, над которыми высились покрытые снегом горные вершины.

Фергюс удивленно моргнул: ничего себе, куда их закинуло! Любопытный конеангел с интересом изучал карту королевства, висевшую в приемном зале Кристиана, и, хотя сам второй раз в своей жизни очутился за пределами дворца, знал, что Острые Пики находятся в противоположном конце королевства, далеко от Малахитовых гор, куда их должен был перенести провал. Что же произошло и почему они очутились здесь? Неужели Белинда своим знаменитым ругательством, как оказалось обыгрывавшим имя ее нелюбимой сестрицы, скорректировала направление провала, и тот перенес их прямоком к обладательнице подлинного имени?

– Вы правы, – признал изумрудный дракон.

– Тогда Ядвиге хватит пяти суток, чтобы добраться до дома, – удовлетворенно хмыкнула волшебница и велела: – Трогай!

Погода во всем королевстве была солнечной и погожей, и только при подлете к дворцу засверкали молнии и сбились в стаю грозовые тучи.

– Странно, – пробормотала себе под нос Белинда, раскрывая над драконом водонепроницаемый щит. – Не могла же Ядвига и с погодой намудрить? Если только у нее был сообщник...

Фергюс сделал вид, что увлечен изучением ближайшей к ним тучи и слов спутницы не расслышал.

Белинда пожелала, чтобы ее доставили прямоком к парадной лестнице. Ей, безусловно, хотелось покрасоваться перед гостями. Не каждая крестная фея может себе позволить прилететь на день рождения подопечной на драконе, а не на помеле. Тут она даже Лукрецию с ее ковром-самолетом за пояс заткнула, самодовольно заметила волшебница про себя, спрыгивая на ступеньки дворца и с ликованием отмечая, как гости прилипли к стеклам парадного зала на первом этаже.

Ее уже ждали, но отнюдь не с фанфарами. В зале торжеств повисла траурная тишина, и причиной тому была черная метка, повисшая в воздухе над колыбелью принцессы. Белинда явилась в тот момент, когда Кристиан безуспешно рассекал кулаками воздух, пытаясь уничтожить роковой знак, а бледная королева прижимала кружевной платочек к глазам.

– Явилась – не замочилась, – прошипела она, когда обеспокоенная волшебница подбежала к колыбели девочки. – Где ты была? – Рука сжалась в кулак, скомкав платок. – Как ты могла допустить, чтобы это, – палец с острым ноготком обвиняюще ткнул в метку, – могло омрачить наш праздник?

– Белинда, ведь это ничего не значит, правда? – отрывисто спросил король. – Нашей дочери не угрожает опасность?

– Нет, нет, конечно нет! – фальшиво заверила его фея и, разглядев инициалы в центре метки, изменилась в лице. – Ядрена фига! – выдавила она.

– Что? – вскинулся король. – Вы знаете ту, кто сотворила этот знак?

– Ну разумеется знаю! – справившись с собой, воскликнула фея. – Вам совершенно не о чем беспокоиться. Это знак одной никудышной волшебницы, которую выгнали из общества фей за непригодность к магии. Единственное, на что хватает ее сил, так это на то, чтобы делать мелкие пакости вроде такой метки и портить настроение другим.

– Так она не сможет причинить вред нашей дочери? – встревоженно уточнил Кристиан, слышавший о подобных метках леденящие душу истории.

– Никогда, – не моргнув глазом, соврала Белинда. – Тем более она под моей защитой.

И в доказательство своих слов ткнула волшебной палочкой в центр метки, отчего та исчезла, а на ее месте возникло несколько золотистых бабочек, которые сорвались с места и закружили по залу, вызвав восхищение гостей.

– А теперь начинаем наше представление, – бодро объявила фея, помахивая палочкой и управляя полетом бабочек, отчего они то взлетали к потолку, то сияющим листопадом падали на стол, то драгоценными брошками прилипали к стенам.

Гости восторженно хлопали, волшебница удовлетворенно улыбалась, а Фергюс с кормилицей тревожно переглядывались, ожидая продолжения фокусов, которые, как они уже убедились накануне, не всегда безопасны. Однако, вопреки их опасениям, ничего страшного не произошло. Волшебница развлекла собравшихся безобидными и весьма красочными иллюзиями, а в заключение предложила гостям захватить свои кубки и пригласила их во двор замка, а затем наполнила стоявший там фонтан лучшим шампанским. После того как двое смельчаков сняли пробу и высказали свое восхищение напитком, гости рванули к фонтану и устроили кучу малу, подставляя свои кубки под струю шампанского. Шампанское так разгорячило собравшихся, что некоторые из них даже рискнули искупаться в бассейне, полном пузырьков и пены. В результате купания две дамы лишились своих роскошных нарядов и стыда, шестеро кавалеров были вызваны на дуэль, и только вмешательство высших сил в лице Белинды, заменившей шампанское ледяной колодезной водицей, положило конец этому безобразию и вернуло купальщикам разум.

Вечер завершился балом. Аннет валилась с ног, и счастьем ее не было предела, когда с началом танцев ее с малюткой Изабеллой отправили наверх. Притомившаяся фея вызвалась проводить ее. Пока кормилица укладывала принцессу, Фергюс и Грациэлла оттеснили Белинду к окошку и с пристрастием допросили. Предметом их любопытства и беспокойства была так некстати появившаяся над колыбелькой принцессы черная метка. Фея, успевшая неоднократно приложиться к фонтану с шампанским, отнекиваться не стала и выложила все как на духу.

– Бедная малютка! – всхлипнула она.

– Тихо ты! – Ангелочек покосилась на кормилицу. – Не стоит пугать Аннет раньше времени.

– Что, Марте тоже досталась черная метка? – испуганно спросила фея.

– Нет, – убежденно покачала головой Грациэлла. – Я все время была рядом и никакой метки не видела.

– Слава небесам! – обрадовалась Белинда и тут же, вспомнив про принцессу, затынула: – Бедная Иза!

– Так это правда? – требовательно спросил Фергюс. – Плохо дело?

– Дело труба, – мрачно поведала фея. – Последний раз, когда над малышкой появлялась такая метка, ее замок сгорел, родители сошли с ума, а саму бедняжку убило грозой.

- Ты хочешь сказать, что это была метка Барбариссы? – испуганно прошептала Аннет, незаметно подошедшая к ним.
- Что ты, конечно нет! – поспешно возразила крестная.
- Но ты ведь только что говорила про дочку графа Тарубару. Это их замок сгорел, граф с графиней двинулись умом, а дочку отправили к родственникам, и по пути в ее карету ударила молния, – перечислила кормилица. – Не ври мне, Белинда.
- А ты не подслушивай, а то молоко в груди скиснет, – огрызнулась волшебница, признавая ее правоту.
- Что же теперь будет! – всплеснула руками Аннет. – Нужно спасать девочку, нужно бежать отсюда, спрятать там, где до нее никто не доберется.
- Не мели чепуху, – осадил ее Белинда. – От Барбариссы не сбежишь.
- Незачем бежать, – кивнул Фергюс и кровожадно ухмыльнулся. – Лучше найдем эту старую кошелку и устроим ей полный улет, а, Бэль?
- Боюсь, не устроим, – огорчила его фея.
- Испугалась? – поддел ее конеангел.
- Никто не знает, кто такая Барбарисса, как она выглядит и где живет, – огорошила его Белинда. – Барбариссой может оказаться кто угодно. Все, что мы можем, – только отбивать ее удары.
- А вообще что значит эта метка? – пытливо поинтересовалась Грациэлла.
- Это значит, что помимо крестной феи, которая будет превращать жизнь подопечной в мед с пряниками, у малышки появилась и персональная злая колдунья, которая будет отвечать за поставки дегтя и изъятие пряников, – уныло пояснила Белинда.
- И часто такое бывает?
- Не часто. Но бывает.
- И что, нет никакого способа избавиться от пакостей этой Барбариссы? – сокрушенно спросил Фергюс, поглядывая на безмятежно посапывающую малышку.
- Почему же нет? Есть, – обнадежила его Белинда.
- И какой же? – поторопила ее Грациэлла.
- Свадьба, – кисло поведала фея. – Замужество Изабеллы разрушит не только мою с ней связь, но и чары Барбариссы.
- Свадьба, – уныло протянул Фергюс.
- Но ведь это еще, как минимум, семнадцать лет! – в отчаянии сказала Аннета.
- Не волнуйтесь, малютка ведь под моей защитой! – ободряюще напомнила Белинда.
- Служанки, взбивавшие перины в смежной с детской королевской опочивальне, отлипли от замочной скважины и переглянулись.
- Бедная принцесса! – прошептала одна.
- Будет чудом, если она доживет и до пяти лет, – поддакнула другая.
- С такой-то меткой! – покачала головой первая.
- С такой-то феей! – сокрушенно закончили они хором.

Глава 4

Красавица с чудовищным характером

*Не так страшна королева Гвендолин, как ее малютка.
Портниха Клара – от лица всей дворцовой прислуги*

К семнадцатилетию принцессы Изабеллы в королевстве подготовились основательно. Подвалы были полны вина, фруктов и разнообразного угощения, а гостиные – роз. За всеми приготовлениями внимательно следила Аннет, вот уже четыре года сменившая на посту управляющей Злюку. (Кстати говоря, Злюкой ее звала только сама Аннет по старой памяти. После падения в лохань дама, на радость прислуге, сделалась столь отзывчивой и доброй, что к ней прочно прилепилось новое прозвище – Душка.)

Сотня приглашений на бумаге с золотым тиснением была отослана самым благородным семьям Эльдорры, и те не смогли сдержать восхищения, когда читали их. Дело было отнюдь не в риторическом слоге, к которому приложил свое перо придворный поэт, и не в насыщенной программе праздника, рассчитанного на три дня торжеств, а в дюжине прелестных бабочек, которые срывались со страниц приглашения, стоило дочитать его до конца. За семнадцать лет в роли крестной Белинда заметно поднаторела в волшебстве и достигла совершенства в создании иллюзий, подобных этим (что, впрочем, не исключало ежедневных конфузов). Так что союз риторики и магии, воплощенный в бумаге, не мог не пленить сердца получателей конвертов из королевского дворца.

Вопреки предсказаниям служанок, опасениям родителей и кормилицы и заботе крестной феи, Изабелла готовилась отпраздновать свой семнадцатый день рождения. И встречала она его восхитительной голубоглазой красавицей с золотистыми локонами – в отца и невыносимым характером – в мать. Так что прислуга при появлении на горизонте белокурого ангела предпочитала делать ноги и не попадаться принцессе под руку. Впрочем, накануне дня рождения Изабеллы прислуга могла передвигаться по замку совершенно спокойно: виновница торжества была занята другой жертвой. Жертвой не повезло стать болезненной длиннолицей даме, редкие волосы которой были завиты в крутые букли и спрятаны под кокетливый лиловый берет. В данный момент принцесса была в ударе, а дама – близка к нему.

– Что это? – скривив губы, вопрошала Изабелла, прохаживаясь вокруг манекена и перебирая пальцами нити самоцветов, сверкающими ручейками спадающих с пояса восхитительного лазоревого платья на пышную юбку.

– Украшения, лучшие кристаллы из самой Сваровии, – сдавленно пролепетала портниха.

– Вот именно, – фыркнула привередливая заказчица. – Этим безвкусным гирляндам место на елке, а не на моем бальном платье.

– Но королева одобрила, – робко вставила дама. – На каждой нити – семнадцать камней, по числу лет, которые вам исполнятся.

– Меня не волнует то, что одобрила моя мать, – топнула ногой капризница. – Если ей так нравится, пусть носит их сама. – Тонкие пальчики натянули нить, горстка камней брызнула на пол, заставив портниху зажмуриться от подобного вандализма. – Убрать! – безапелляционно заявила принцесса, указав на остальные нити.

Дама послушно закивала головой. Изабелла продолжила критику ее работы.

– А это что за пошлость? – Она с брезгливой гримасой ткнула пальцем в восхитительную пену кружев на рукавах.

– Ручная работа, сто золотых за метр, в Йельске заказывали, специально к торжеству, – прошептала близкая к обмороку портниха.

– Да хоть двести, – раздраженно парировала принцесса и возвела глаза к потолку. – Ну и безвкусица!

– Ваша мама выбирала, – проямлила дама.

– Клара, давно пора бы понять, что моя мать для меня не авторитет в моде! – отчитала ее Изабелла. – Вы же уже не первый год для меня платья шьете.

Седые волоски, в изобилии поселившиеся в кудряшках портнихи, были тому красноречивым подтверждением.

– Итак, кружево убрать, – скомандовала принцесса.

Дама с буклями в ужасе втянула голову в шею, но спорить не посмела. Во дворце можно было найти от силы семь обитателей, которые могли безнаказанно перечить принцессе, из них двое были ее родителями, а еще двое отнюдь не являлись людьми.

– Теперь декольте, – нахмурилась несовершеннолетняя модница, пристально изучая сказочного вида корсаж, расшитый крошечными кристаллами и серебром.

– Убрать? – в панике пролепетала портниха, вспоминая шесть бессонных ночей, проведенных за работой над этой деталью наряда.

– Убрать? – озадаченно переспросила Изабелла. – Смелое решение! – Она откинула голову, на мгновение залюбовавшись игрой света на поверхности кристаллов и сложным узором вышивки. – Ладно, – напустив на себя недовольный вид, смилостивилась она, – пусть будет.

Портниха с облегчением обмякла. Как оказалось, рано, ибо взгляд именитой клиентки добрался до юбки.

– Какой кошмар! – ужаснулась она, взявшись двумя пальцами за оборочку юбки так, словно это была дохлая мышь. – Алмазное напыление! Нет, вы определенно принимаете меня за елку!

Побелевшая от напряжения портниха едва держалась на ногах.

– Но, ваше высоко... – рискнула возразить она.

– В топку! – велела принцесса.

– Что? – пролепетала портниха.

– Вот что! – рявкнул белокурый ангел, с силой дернув за край материи. Раздался треск ткани, Изабелла ураганом пронеслась вокруг платья, надетого на манекен, избавив юбку от верхнего мерцающего слоя, и бросила материю в камин. Но, не долетев до него пары метров, та взмыла вверх и пронзительно заржала:

– Знатный плащ мне выйдет из алмазной ткани!

Из-под лоскута высунулась лошадиная голова (это Фергюс перехватил ткань в полете и уберег от неминуемой гибели) и с укоризной сказала:

– Иза, не дури! Отличный наряд, тетенька так старалась.

– А мне прикажешь надевать этот безвкусный мешок? – разозлилась принцесса.

Конеангел с удивлением перевел взгляд на изумительное лазоревое платье со шлейфом, занимающим полкомнаты, и постучал рукой по лошадиному лбу.

– Ку-ку, красотка! Да каждая модница Эльдорры родную мать продаст, лишь бы появиться на балу в таком великолепии.

Портниха передумала падать в обморок и зарделась от похвалы, принцесса с сомнением покосилась на платье. В дверь негромко постучали и, не дожидаясь разрешения войти, на пороге возникла изящная темноволосая девушка в бирюзовом платье.

– Иза, ты еще не одета? – изумилась она, входя в комнату, и восхищенно воскликнула при виде платья: – Какое чудо!

– Это твое платье? – замерла принцесса, впившись в нее взглядом. – Для бала?

– Да, – радостно улыбнулась та, поздоровавшись с портнихой. – Тебе нравится?

– Нравится? Марта, да это платье моей мечты! – простонала Изабелла.

Портниха в недоумении перевела взгляд с дорогого и пышного лазоревого наряда на безыскусное бирюзовое платье девушки: простой силуэт, похожий на перевернутый розовый бутон, состоял из облегающего корсажа с открытыми плечами и узкой, чуть расширяющейся книзу юбки. Простейший крой, минимум украшений, красивая, но недорогая ткань. На изготовление этого платья ее коллега потратила не больше половины дня, тогда как платье принцессы начали шить за полгода до праздника. Видимо, те же мысли посетили и девушку в бирюзовом. Она с трудом оторвала восхищенный взгляд от наряда принцессы и напрямик спросила:

– Иза, ты с ума сошла? Оно просто великолепно!

Портниха в ужасе зажмурилась, ожидая, что на дерзкую шатенку тут же обрушится принцессин гнев. Но Изабелла только горестно вздохнула и запричитала:

– Бедная я, несчастная! Все за меня решают: какие платья носить, за кого замуж выходить. Как же мне надоели эти расшитые рубинами и изумрудами наряды, эти пышные юбки, под которыми может спрятаться дюжина гномов, эти громоздкие шлейфы, каждым из которых можно выстелить лестницу от парадного входа до башни, эти тяжелые кольца, под которыми сгибается шея, эти алмазные диадемы, в которых вечно путаются волосы. Ну почему, почему мне нельзя хотя бы раз, хотя бы в честь моего семнадцатилетия надеть такое платье, которое нравится мне, а не то, которое мне полагается по статусу, а? – Она часто захлопала ресницами и уставилась на девушку в ожидании сочувствия.

– Иза, бедняжка, – с чувством сказала та, – я и не догадывалась, как ты страдаешь!

Фергюс, не сдержавшись, громко заржал, девушка, заразившись его смехом, тоненько прыснула. Принцесса обиженно надулась. Портниха с ужасом взирала на творившееся безобразие.

– Вот что, Иза, – скомандовала шатенка в бирюзовом, – сейчас же переодевайся и дай нам на тебя полюбоваться!

После чего поманила за собой Фергюса и вышла за дверь, оставив принцессу и портниху наедине.

– Чего застыла? – прикрикнула на трепещущую даму Изабелла. – Действуй, Клара!

Марта прохаживалась по коридору, глядя, как переливается при ходьбе ткань ее платья. Это, конечно, не сказочный наряд принцессы, но для нее ее платье было самым прекрасным на свете. Потому что это – ее платье, сшитое по ее фигуре, пожалуй, впервые в жизни. Обычно ей приходилось донашивать одежду за Изабеллой. Марта не жаловалась: наряды у принцессы были хоть куда и доставались ей почти новыми. Речь, конечно, не шла о парадных платьях, украшенных драгоценностями и сшитых из тканей, которые ценились на вес золота. Но, помимо нарядов для особых торжеств, вроде дня рождения короля или годовщины коронации, в гардеробе Изабеллы имелась целая уйма вещей: для прогулок в саду, для верховой езды, для неофициальных приемов, для дома, для уроков, для променада, для лимонада. Шкафы принцессы ломались от нарядов на все случаи жизни, а их содержимое регулярно обновлялось. Так что Изабелла с радостью избавлялась от ненужных вещей, вручая Марте целый ворох разноцветных тряпок.

«Похоже, Иза так привыкла к тому, что я донашиваю ее одежду, – рассудила Марта, размышляя над странным поведением принцессы, – что, когда я появилась в незнакомом ей платье, у нее в голове что-то переклинило и ей тоже захотелось такое». Она еще раз любовалась нежным оттенком ткани, подчеркивающим редкий цвет ее глаз – цвета бирюзы.

– Ну что, Тень принцессы, – шутливо поддел ее Фергюс, пролетая в полуметре над головой, – сегодня ты затмила свою хозяйку?

Марта улыбнулась. Из-за того что она была всегда рядом с Изабеллой и донашивала ее одежду, во дворце к ней прилепилась устойчивая кличка Тень принцессы, однако сама Марта себя таковой не считала и была рада своему положению. А положение было, мягко говоря, весьма странным. Не фрейлина (из-за отсутствия благородного происхождения) и не служанка,

но при этом молочная сестра, лучшая подруга и незаменимая компаньонка по всем каверзам – в одном лице. С самого детства Мари жила во дворце и привыкла к роскоши и комфорту, хотя то, что доставалось ей, было лишь частичкой блистательной жизни принцессы. Наряды – с королевского плеча, еда – с королевского стола, комната (правда, на половине прислуги) обставлена лучше, чем у фрейлин. Да что ей комната? Только переночевать, а целые дни она проводила на королевской половине дворца, составляя компанию принцессе в забавах и науках. По образованию Марта не уступала Изабелле, а в чем-то даже и превосходила. Учились они вместе – присутствие Марты скрашивало скуку уроков и создавало дух соперничества, заставляя ленивую принцессу тянуться за своей смысленной подружкой. Так что даже надменная королева со временем смирилась с постоянным присутствием Марты на половине дочери и перестала донимать своего демократичного супруга, поощрявшего дружбу с «нищенкой».

Дочка прачки схватывала все на лету, учителям внимала с интересом, к урокам и заданиям относилась со всей серьезностью – не в пример капризнице Изабелле. Оно и понятно: принцессе эти науки ни к чему, так, вроде приложения к ее короне, красоте и богатству, а вот у Марты, помимо собственной прелести, иных капиталов нет, приходится рассчитывать только на свои силы. Так что любая наука на пути к мечте может сгодиться.

А мечта у нее была самая обыкновенная: выйти замуж за любимого да путевого, поселиться в домике на берегу тихой речки, воспитывать детишек да заботиться о родителях. Зря королева волновалась, что дочка няньки, все время находясь в тени принцессы, вырастет завистливой, злой и только и будет думу думать, как принцессу со света сжить и ее место занять. «Ха-ха-ха», – сказал на это король. «Больно надо!» – ответила бы сама Марта, мечтавшая о тихой жизни вдали от шумного и суетного дворца.

Вот только мечта эта была пока невыполнима: выбор женихов был небогат, а те, что имелись в наличии, придирчивую невесту совсем не устраивали. К тому же ее приемный отец был нужен при дворе и был не вправе распорядиться собой до тех пор, пока не подготовит себе достойную смену. А шутка ли это – выучить лекаря для королевского семейства! Три ученика за десять лет было у Жюльена. Один на четвертом году учебы повредился в уме от переизбытка премудрости и теперь лечит лягушек в пруду, считая их заколдованными принцессами. Другой, отучившись половину шестилетнего срока, возгордился и решил, что все на свете знает. Не пожелав тратить еще три года на изучение целительских наук, он открыл собственный кабинет в городе и табличку на нем повесил: мол, ученик самого Жюльена. К этому неучу теперь запись за месяц вперед ведется, да только отцу Марты от этого не легче. Третий ученик всем был хорош – и умен, и прилежен, и благовоспитан, и пригож; Жюльен серьезно прочил его в свои преемники. Да только однажды поутру король обнаружил, а точнее говоря застиг пригожего ученика лекаря, прогуливающимся поутру в районе спален королевы и принцессы... С тех пор красавчик, на обучение которого Жюльен угробил два года жизни, прогуливался в десяти пушечных выстрелах от дворца. И вот уже два месяца лекарь подыскивал нового кандидата в преемники, расспрашивал всех знакомых, развешивал объявления по всему городу, сулил непомерную стипендию и жизнь на полном обеспечении во дворце. Желających заграбастать стипендию и поселиться бок о бок с королевским семейством нашлось немало. Но из них серьезно мечтающих связать свою жизнь с медициной можно было пересчитать по пальцам, и те не подходили для роли придворного лекаря по ряду причин. И дня не проходило, чтобы в замок не наведалься очередной проходимец.

Появление кандидатов в ученики стало для Марты и Изабеллы настоящим развлечением (единственным стоящим после того, как принцесса разогнала очередь из всех своих женихов). Пока Жюльен беседовал с потенциальным лекарем в своем кабинете, девушки с интересом наблюдали за ними, мышками проскользнув в смежную комнату и прильнув к проделанным специально для этого случая щелкам. Поэтому происходящее за кованой дверью и тяжелым засовом не было секретом для двух подружек. Они могли вспомнить каждого посетителя и при-

чину, по которой он не задержался во дворце. Один был горбат – где уж ему шустро носиться по всему дворцу, исцеляя хвори! Другой женат – а какая жена выдержит, чтобы муж день-деньской проводил в королевском дворце в окружении фрейлин? Конечно, жена попросится во дворец, а с ней – и пяток ребятишек, а на такую ораву бюджет, выделяемый на лекаря, не рассчитан. Третий так откровенно и недвусмысленно прожигал учителя взглядом, что седовласый эскулап покрылся испариной и едва не выскочил в окно, когда красавчик с щедро намасленными волосами с придыханием произнес, что он «будет счастлив проводить с маэстро дни и ночи, обучаясь премудростям древнейшей профессии, в которой маэстро, несомненно, знает толк». Четвертый притащил с собой кошку, сшитую из частей нескольких различных мурок и при этом, к ужасу Марты и ликованию Изабеллы, весьма живую и игривую. Кошка должна была послужить рекомендацией колдовского таланта соискателя. Тот искренне полагал, что за чернокнижием и некромантией – будущее Эльдорры, что придворный лекарь – один из лучших чернокнижников. И страшно изумился, когда Жюльен, стиснув зубы, выставил вон и его, и кошку. Всего соискателей было около полусотни, так что если бы неразлучные подружки вздумали рассказать анекдоты про каждого из них, их выступление растянулось бы с утра до самого вечера. Если не принимать во внимание всяких психов, большинство кандидатов отсеялось из-за возрастного ценза, ибо преемник никак не мог быть ровесником самого лекаря или даже старше него. Остальные по разным причинам не понравились самому учителю или показали полную профнепригодность, упав в обморок от одного запаха согревара – фирменной мази Жюльена, которую следовало долго и основательно втирать королю и королеве при боли в суставах, а заниматься этим было позволительно только придворному лекарю.

Другой на месте Жюльена уже потерял бы всякую надежду найти преемника, однако старый эскулап не сдавался, был полон энтузиазма и ждал появления того уникального юноши, которому он передаст весь свой опыт и наконец-то сможет уйти на заслуженный отдых. Сегодня как раз ожидался приход очередного кандидата. Разумеется, Изабелла и Марта не могли пропустить такого события и собирались отправиться на свой тайный наблюдательный пункт сразу же после примерки.

– Марта! – раздался требовательный голос принцессы, и девушка поспешила к двери, проговаривая про себя стандартные комплименты: «Ах, Иза! Ты прекрасна, Иза! Это платье так идет к твоим глазам, Иза!» Изабелла требовала постоянных признаний своей красоты, и Марте вечно приходилось разливать соловьем, чтобы поднять настроение своей взбалмошной подружке.

Но все заготовленные фразы застыли на устах, когда она увидела принцессу. В комнате воцарилась такая тишина, что был слышен шелест крыльев влетевшего следом Фергюса – тоже на удивление онемевшего. Принцесса молчала, застыв в эффектной позе и дожидаясь комплиментов. Портниха замерла, дожидаясь отзыва зрителей, словно приговора суда. Фергюс завис в воздухе, сраженный видом принцессы. А Марта...

– Марта, – устав стоять столбом в наиболее выигрышной позе, вспыхнула Изабелла. – Ты что, язык проглотила?

– Иза, – только и смогла вымолвить та. – Оно... необыкновенное!

– Так я и знала! – взревела принцесса, скомкав в кулаке ткань юбки и затопав ногами. – Это просто кошмар какой-то! Я похожа в нем на разряженную гномиху! Ты! – Она сузила глаза и обвиняюще ткнула пальцем в побелевшую от ужаса портниху. – Ты – позор своей профессии, а это платье – самое безвкусное из всех платьев!

– Иза, – опешила Марта. – Что на тебя нашло? Платье чудесное! Я от восхищения даже слов не могла найти.

– Ах чудесное? – не на шутку завелась принцесса. – Оно настолько чудовищное, что у тебя даже язык не повернулся соврать мне и сказать, что я в нем прекрасна. – Она в бешен-

стве дернула за одну из нитей, удерживающих прозрачные камни, и те радужными брызгами посыпались на пол.

Портниха вжала голову в плечи, а разъяренная принцесса двинулась прямо на нее. И далеко не за тем, чтобы обнять!

– Изабелла, ты с ума сошла? – преградила ей путь Марта. – Что за сумасбродные выходки? Ты ее пугаешь!

При этих словах в комнату впорхнула Белинда с громким возгласом: «Изабелла, что за чудное платье!» Но принцесса вошла в раж и не обратила внимания на такую мелочь, как появление крестной.

– Да кто ты такая, чтобы мне указывать? – взбеленилась она, обращаясь к Марте. – Дочь прачки, бедная приживалка, моя бледная тень!

– Изабелла! – оборвал ее звенящий от негодования голос феи.

– А, здравствуй-здравствуй, моя непутевая тетушка, – усмехнулась принцесса.

Белинда стремительно покраснела, Марта еще мгновением раньше вздрогнула, как от пощечины, и тихо сказала:

– Простите мне мою дерзость, ваше высочество. И спасибо, что указали мне на мое место. После чего быстро развернулась и зашагала к двери.

– Мари! – бросилась за ней фея. – Изабелла, да что с тобой такое?

– Ты обидела Марту, – укоризненно заметил Фергюс и последовал за девушкой, едва не налетев на замершую в дверях Белинду.

– Лети-лети, лоб не разбей, – зло крикнула Изабелла ему вслед и набросилась на волшебницу: – Ну, а ты что застыла? Беги, утешай свою любимицу. Я же знаю, ты ее больше любишь!

– Боюсь, Иза, что в такой ситуации я, как твоя крестная, желающая тебе добра, просто обязана вмешаться, – сообщила фея, вытаскивая палочку.

– Что это ты выдумала?! – переполошилась принцесса. – Не вздумай!

Но Белинда уже принялась выводить палочкой затейливый узор.

– На помощь! – перепугалась Изабелла, прячась за спиной портнихи, которая все это время стояла ни жива ни мертва. Портниха испуганно пискнула, когда из конца палочки вырвалась молния и полетела прямо на нее. Писк перерос в жалобное кваканье, истощный визг принцессы и досадливое кряканье. Визжала Изабелла, пытаясь вытряхнуть лягушку в лиловом берете, застрявшую в складках ее роскошного бального платья. Крякала Белинда, очевидно ожидавшая получить совсем иной эффект от своего волшебства. После того как перепуганная лягушка шлепнулась на пол, потеряв в полете берет, а на крик Изабеллы прибежала обеспокоенная Марта, фея с третьей попытки все-таки вернула несчастной Кларе привычный вид.

– Да вас и на минуту нельзя оставить одних, – пробурчал Фергюс.

Пока Марта обмахивала платком позеленевшую от пережитого ужаса портниху, избегая взглядом принцессы, Изабелла с притворной тщательностью разглаживала подол платья, оценивая нанесенный ему урон (все нити со стразами были оборваны, так как лягушка до последнего цеплялась за них, как утопающий за соломинку). Напряженную обстановку невольно разрядила фея: она неуклюже поскользнулась на рассыпавшихся по полу прозрачных цветных камушках и едва не угодила носом в камин. Крестницы одновременно прыснули со смеху и бросились поднимать Белинду с пола.

– Мари, ты прости меня, – пробормотала Изабелла. – Сама не знаю, что на меня нашло. Так переволновалась перед балом...

– Да ладно, – улыбнулась Марта, – понимаю...

– А тут еще мама на меня все время насаждает со своими намеками на свадьбу. Говорит, что к семнадцати годам уже все нормальные принцессы замужем, и только я отличилась, – добавила в свое оправдание Изабелла. – Вот нервы и сдали, сорвалась на тебя...

– Ничего, я привыкла, – не без ехидства отозвалась Марта.

Портниха, пользуясь заминкой, тихонько шмыгнула к двери.

– Куда? – остановил ее властный голос Изабеллы.

Внутренне трепеща, несчастная швея повернулась к королевской дочке.

– Зайди в казну. Пусть тебе заплатят... сто золотых.

– Благодарю, ваше высочество, – не веря своим ушам, пискнула потрясенная двойной оплатой портниха и несмело добавила: – А как же стразы?

– Без них лучше, – махнула рукой принцесса.

Портниха неловко поклонилась и выкатилась в коридор.

– А платье-то действительно ничего, – уныло признала Изабелла, разглядывая свое отражение.

– Порой мне кажется, что в Изабеллу вселяется сам дьявол, – проворчал Фергюс, когда они, оставив принцессу переодеваться, спустились в комнату Марты.

– Ты тоже это заметил? – помрачнела волшебница.

– Дорогая Бэль, уверяю тебя, это заметили все во дворце! – заржал конь.

– Бэль, что не так? – Марта встряхнула за локоть поникшую фею.

– Мне кажется, это все из-за черной метки, – призналась Белинда.

– Да ну! – присвистнул Фергюс.

– Не может быть, – убежденно возразила Марта. – Черная метка приносит несчастья, а не портит характер.

– И много несчастий было в жизни Изабеллы? – намекнула фея.

– Ну, один раз она упала с лошади и подвернула лодыжку, – припомнила Марта.

– Один раз опалила волосы настенным факелом, – добавила Грациэлла. – Визгу было! Хорошо еще, что ты ей быстро утраченную шевелюру вернула.

– Правда, черную, а не белую, – ехидно вставил Фергюс.

Фея смущенно покраснела. После того как она поколдовала над волосами Изабеллы, они вновь обрели прежнюю длину. Только вместо светло-золотистых сделались смоляными. Чтобы вернуть прежний цвет, пришлось идти на поклон к начальству. Лукреция тогда полдня возилась с локонами принцессы, прежде чем с них сошла чернота. Изабелла на свою крестную еще неделю дулась. И до сих пор иногда ей это припоминает.

– Больше вспомнить нечего? – пробурчала фея.

Марта с Фергюсом и Грациэллой недоуменно переглянулись.

– Пожаров в замке не было, ограблений – тоже, принцесса жива и невредима, ее родственники – тоже, – перечислила Белинда. – В то время как на обладателей черных меток Барбариссы и их семьи неприятности сыплются как из рога изобилия, и бедные детишки редко доживают до совершеннолетия.

– Погоди, Бэль! – вмешался Фергюс. – Когда у Изабеллы появилась черная метка, ты нас всех заверила, что опасаться нечего, и ты сделаешь все возможное и невозможное, чтобы уберечь принцессу.

– Так-то оно так... – протянула фея. – Только за все это время никаких магических покушений на принцессу не было, понятно? И это очень странно. Потому что черные метки просто так не ставят. Черная метка – это несчастье на всю жизнь. А какое самое большое несчастье Изабеллы?

– Ее характер! – хором воскликнули Марта, Грациэлла и Фергюс.

– То-то и оно! Она мне однажды призналась – я применила заклинание откровенности, – что она порой и сама не рада своим поступкам и словам, а ничего с собой поделать не может.

– Но зачем ведьме, которая поставила черную метку, портить характер Изы? – оторопело спросила Марта.

– Ну, во-первых, дурной характер – это приговор на всю жизнь. А во-вторых... – Белинда замялась.

– Что во-вторых? – поторопили ее Марта и Грациэлла.

– Возможно, это все глупости, но слушайте, – решила фея. – Из-за своего характера Изабелла поругалась со всеми женихами. Я даже ума не приложу, кто ее захочет замуж взять! А ведь обеспечить своей крестнице хорошую партию – задача каждой крестной. Нет мужа – позор фее!

– Ты хочешь сказать, черную метку поставил тот, кто хочет досадить тебе и выставить тебя неудачницей? – не скрывая своего скептицизма, протянул Фергюс.

– Я уж не знаю, что и думать, – вздохнула Белинда.

– Но ты же тогда говорила, что это метка Барбариссы, которую никто не знает в лицо, – напомнила Грациэлла.

– Если ее не знаю в лицо я, это совсем не значит, что она не знает меня, – удрученно сказала фея.

– Но кто это может быть?

– Да кто угодно! Моя мачеха – она меня ненавидит. Моя сводная сестрица, ее дочка, – она, еще когда Изабелле месяц исполнился, хотела наслать вооруженных гномов на дворец во время бала, чтобы меня полной дурой выставить. Только у этой вряд ли силенок хватит, не тянет она на злодейку Барбариссу. Да и половина фей против меня. Я ведь стала крестной Изабеллы по ошибке, перепутала ее с Мартой. А в нашем ОЗФ многие думают, что я специально так сделала, взяла Изу под опеку самовольно, в обход решения совета.

– Получается, злая ведьма Барбарисса состоит в обществе добрых фей? – усмехнулся Фергюс. – Просто оборотень в колпаке какой-то!

– Не знаю. Только очень уж хорошо эта Барбарисса осведомлена о наших внутренних делах...

– Так что же теперь Изабелле всю жизнь в девках ходить? – заволновалась Грациэлла.

– Что-нибудь придумаем! – ободряюще улыбнулась Белинда. – Если я права в своих предположениях, после свадьбы черная метка потеряет свою силу и Изабелла избавится от ее рокового дара.

– А если нет? Если ей гадкий характер от матери достался? – резонно возразил конеангел. – Королева-то наша тоже не подарочек!

– Чуть не забыла про подарок! – воскликнула фея. – Я для Изабеллы такой сюрприз приготовила!

Марта с Фергюсом обменялись едва заметными ухмылками. Подарки Белинды во дворце уже стали притчей во языцех, а сама фея носила неофициальное звание чемпиона по дурацким подаркам. Правда, она об этом не подозревала.

Так, когда девочкам исполнилось пять лет, Изабелле достался в подарок набор поющих ложек, которые привели в полный восторг именинницу и за пару дней свели с ума ее няню Аннет и служанок. Марта тогда получила в подарок отличный вместительный сундук, занявший половину комнаты ее матери. В этот сундук неразлучные подружки умудрились залезть вдвоем, случайно задев хитроумный замок и попав в плен ларца. Девочек искали полдня, пока, наконец, не догадались заглянуть в сундук. У Мари и Изы к тому моменту уже голоса сели – как выяснилось, подарок Белинды отчего-то оказался звуконепроницаемым. Как потом смущенно поведала фея, изначально он предназначался для хранения поющей посуды. Но после того как она подарила крестнице последний набор из своих гигантских (судя по размеру сундука) запасов, то сундук сделался ненужным, и фея поспешила от него избавиться, сделав незабываемый подарок другой крестнице.

В следующие одиннадцать лет Марта получила:

– будильный колокольчик, который помогает просыпаться по утрам. Все бы ничего, да колокольчик не стоял на месте, а взмывал в воздух и носился по комнате до тех пор, пока полу-

сонная девочка гонялась за ним и не умудрялась его поймать, к тому времени окончательно проснувшись;

– вечно полный кувшин для умывания, вода в котором постоянно меняла запах – то на цветочный аромат, то на душок несвежих портянок, и выяснить это можно было, только умывшись;

– ботинки-скороходы, примерив которые в первый раз, девочка с полудня до заката носилась по дворцу и прилегающему двору, сбивая с ног всех, кто попадался на пути, и остановилась только тогда, когда подошвы прочно застряли в глине;

– волшебный платочек для определения съедобных грибов, который в качестве съедобных указывал исключительно поганки и мухоморы, а лисички и белые грибы упрямо относил к разряду ядовитых. Впрочем, гуляя с Жюльеном по лесу, Марта быстро приноровилась слушаться платочка в точности до наоборот, и скоро уже сама прекрасно разбиралась в грибах;

– и еще много подобных вещичек, которые доставили ее родителям немало волнений за жизнь и здоровье дочурки.

Изабелле повезло больше: ей подарки доставались шаловливые, но хотя бы относительно безопасные. Например, она стала обладательницей самопишущего пера, которое переносило на бумагу все, что ему диктовали. Принцесса, страшно не любившая чистописание, сперва обрадовалась и надиктовала ему три листа литературного доклада. Однако когда на следующее утро она передала пергаменты учителю, тот в удивлении вскинул брови – листы были девственно чистыми, все написанное волшебным пером без следа испарилось. Огорченная Белинда, выслушав претензии крестницы, покрутила перо в руках и сообщила, что отныне оно будет решать арифметические задачки, и не обманула. Задачки перо решало, цифры на бумаге выводило, только правильные ответы давало один раз из десяти.

А уж сколько таких богатств досталось слугам, имевшим несчастье заслужить расположение Белинды, и не сосчитать. Кухарке как-то был вручен волшебный горшочек, который сам варил кашу и значительно сэкономил провизию. Бросив в него горсть крупы, она накормила вкусной, наваристой овсянкой всю прислугу – без малого сотню человек. От души радуясь подарку феи, женщина раздавала добавку и представляла, насколько чудесный горшочек облегчит ей жизнь. Да вот незадача – и после сотой наполненной тарелки остановить горшочек никак не удалось, он все варил и варил! Бедная кухарка сбилась с ног, предлагая добавку, забила кашей всю имеющуюся на кухне посуду и была вынуждена переместиться на скотный двор, доверху наполнив овсянкой корыта свиней. К счастью, под конец дня во дворце объявилась Белинда, и горшочек удалось-таки уговорить, но о подарке феи судачили еще долго, а несчастная кухарка менялась в лице, когда слышала слово «овсянка». Не легче приходилось и другим слугам. Горничные получали в подарок притирки против веснушек, от которых конопущки расцветали буйным цветом даже у самых белокожих. Трубочист, неосторожно пожаловавшийся на скучную работу и одиночество, когда словом не с кем перемолвиться, обрел в качестве постоянного собеседника щетку и впоследствии не знал, как заткнуть болтушку. Одиному плотнику, посетовавшему на отсутствие детей, Белинда вручила волшебное полено, из которого изумленный мужик вытесал ожившего деревянного мальчонку. Мальчишка вскоре сбежал из дворца, и молва до сих пор приносила самые невероятные новости о его приключениях. Дочке сапожника, вынужденной играть с сапогами и подошвами, фея преподнесла соломенную куклу. Все бы ничего, да кукла неожиданно ожила и стала бегать по зданию, приставая к людям с вопросами, где ей взять мозги? Угомонилось это чучело только после того, как сердобольная кухарка отдала ей мозги курицы, а поваренок запихал их в соломенную голову. С тех пор чучело поселилось на птичьем дворе, сидит на жердочке, то и дело падая вниз; с завидным упорством карабкается обратно, прилежно квохчет и строит глазки петухам.

Оставалось только догадываться, какой презент ждет Изабеллу на этот раз. Вероятно, перед ним померкнет и недавний подарок феи на день рождения Марты – приворотные духи с ароматом тараканьей морилки.

– Что же ты придумала ей в подарок, тетушка? – с преувеличенным энтузиазмом и с замершим сердцем поинтересовалась девушка.

– Кое-что абсолютно невероятное! – Белинда сияла так, словно собиралась подарить крестнице луну и солнце в придачу. – Это то, чего так не хватает нашей Изабелле! Сегодня я лишний раз убедилась в его целесообразности!

Фергюс за спиной феи закатил глаза, Марта была вынуждена подавить рвущийся с губ смех. Волшебница всегда искренне полагала, что именно ее подарка не хватает человеку для полного счастья.

– Вот! – Фея выудила из-за пояса бархатный мешочек и вытряхнула на стол тонюсенький золотой браслет, украшенный рубинами.

– Какой милый! – вежливо восхитилась Марта, убежденная в том, что Изабелла никогда в жизни не наденет простенькое украшение. – Какая изысканная огранка и чистые камни!

– Это не простой браслет, – раздуваясь от гордости, сообщила Белинда. – А кусачий!

– Какой? – хором воскликнули ее собеседники.

– Кусачий!

– Он что, кусается? – заржал Фергюс.

– Еще как! – заверила Белинда. – Он заговорен особым образом и реагирует на злословие и вспыльчивость. Как только Изабелла начнет горячиться и вздумает поскандальить, браслет тут же выпустит шипы и напомнит ей о хороших манерах.

– Точно, только этого Изабелле и не хватало, – протянула ошарашенная Грациэлла.

– Мне пришлось облететь полкоролевства, чтобы найти его, – с гордостью поведала фея.

– Осталось только заставить Изу надеть браслет, – фыркнул Фергюс.

– Думаете, ей не понравится? – расстроилась фея. – Если что, я навешу пару иллюзий, и он будет как бриллиантовый.

– Изабелла будет без ума, – не стала огорчать крестную Марта.

– Пусть лучше она будет с умом, – встрял Фергюс. – Только полоумной Изы нам не хватало для полного счастья!

Новый ученик явился ближе к вечеру, когда Марта с Изабеллой уже измаялись от скуки. Впрочем, одного взгляда в замочную скважину на кандидата было достаточно, чтобы понять – ждали они не зря. Черноглазый, улыбчивый, статный, Сэм с первого взгляда покорило сердце Марты, и даже Изабелла нехотя признала, что он весьма недурен. Красавчик уважительно разговаривал с лекарем, проявлял горячую заинтересованность в учебе и достойную осведомленность в предмете обучения. Однако Жюльен, вопреки ожиданиям Марты, не спешил ухватиться за кандидата, а напротив, дал ему такое сложное задание для проверки на пригодность, что парень повесил нос. Марта сразу сообразила: дело гиблое, отец зачем-то хочет завалить черноглазого красавчика. Должно быть, причина была достаточно веской, но Марта ее понять не могла. Поэтому после собеседования она с невинным видом окликнула отца в коридоре и спросила:

– У тебя новый ученик, папа?

– Нет, – досадливо поморщился Жюльен.

– Опять не подошел? – изобразила удивление Марта. – Чем на этот раз?

– Да всем хорош, – замылся отец. – Но не нравится он мне!

Вот глупости, возмутилась Марта про себя, так отец никогда себе преемника не найдет, и прощай мечта о тихом домике на берегу речки! Паренька она догнала уже у ворот: тот спешил к себе домой, варить зелье, заданное Жюльеном. Простейшее зелье, если знать один маленький секрет... А если не знать, зелье никогда не достигнет нужного цвета и подходящей кондиции,

так и останется бесполезной водянистой жижей. Марта тайну знала – за столько лет наблюдений за отцом она выучила и не такое, и с Сэмом секретом поделилась. Обрадованный паренек умчался домой и наутро явился с готовым зельем. Жюльен был поражен, но дал другое невыполнимое задание. Марта помогла и с ним. Лекарь придумал для юноши очередное заковыристое испытание... После пяти блестяще выполненных поручений Жюльен сдался. Накануне бала Сэм перевез свои немногочисленные пожитки и поселился в замке на правах ученика.

– Довольна? – подшучивала над Мартой Изабелла, бывшая в курсе событий. – Похоже, парень теперь считает тебя своей доброй феей? Замуж еще не зовет?

– Только после тебя, Иза, – ехидно парировала Марта.

Принцесса нахмурилась: подруга затронула болезную тему. На балу не будет ни одного принца, так, пара юных герцогов и графов, которые терпят ее только из уважения к ее родителям или в надежде урвать лакомый кусочек из королевской казны. Но это разве женихи? Так, нахлебники. К своим семнадцати годам она умудрилась разогнать всех потенциальных женихов, поссориться даже с самым добродушным и терпеливым принцем Эриком и снискать себе славу самой вздорной и невыносимой принцессы на всем белом свете. Ну разве она виновата, что такой уродилась? Сколько себя помнит, столько и кричит, ругается, капризничает, ноет. Сама себе порой противна. А поделать ничего не может – как будто находит на нее что! Знала бы Марта, как она порой завидует ее уравновешенности и спокойствию. В самой-то Изабелле как будто чертик какой живет, который так и норовит рассорить ее с окружающими, букой выставить...

– Ты же знаешь, – нарочито небрежно бросила она, – не родился еще такой принц, чтобы мне угодить!

– Не появился еще такой принц, чтобы тебя укротить, – насмешливо поправила ее Марта. – Но, может быть, завтрашний бал все исправит?

Глава 5

Бал до всеобщего упада

*Белинда во дворце – не к добру.
Дворцовая примета*

Бал, к которому готовились с такой тщательностью, Изабеллу разочаровал. Подарки заняли целую комнату, зал торжеств утопал в цветах, музыканты превзошли себя, исполнив восхитительный ноктюрн, написанный специально к празднику, повара расстарались на славу, уставив столы изысканными блюдами – но ничто не радовало именинницу. Гости все прибывали и прибывали, экипажи уже с трудом помещались на территории вокруг дворца, а на душе у Изабеллы скребли кошки.

– Изабель, дорогая! Да что с тобой! – квохтала вокруг нее мать. – Улыбнись, оглянись – вокруг столько интересных мужчин! Все они просто очарованы тобой! Как тебе сын герцога Страливалли?

Принцесса с раздражением глянула на мать. Ну как ей объяснишь, что ей не нужен никто! Никто, кроме...

– Ай! – вскрикнула она, ощутив покалывание металла на запястье.

– Что, моя дорогая? – всполошилась мать.

– Ничего, – поморщилась Изабелла, передвинув браслет, подаренный крестной. Крупные бриллианты засверкали на солнце, заставив принцессу в который раз восхититься величиной камней. Надо же, в кои-то веки фея подарила подарок без подвоха! Интересно, где сейчас тетушка? Без ее фокусов и бал не бал. Наверное, готовит очередной номер, о котором потом еще месяц будут судачить по всему королевству. Размышляя так, принцесса и не подозревала, насколько близка была к истине...

Торжество уже достигло кульминации – кушанья были съедены, вино выпито, гости переместились в центр зала и, боясь потревожить набитые желудки, вяло двигали руками и ногами под заунывную музыку, которой разродился оркестр.

– С ума можно сойти от скуки, – с кислой миной пожаловалась принцесса. – Это не танцы, а какое-то сборище инвалидов, которые лишний раз боятся шевельнуть рукой или ногой.

– Девочка моя, нет ничего невозможного для магии, – обрадованно воскликнула Белинда, поспешив предложить свои волшебные услуги. – Сейчас устроим танцы до упаду!

– Может, не надо? – слабо запротестовала Изабелла, с опаской переглянувшись с Мартой, которую тоже насторожила формулировка крестной.

– Не обязательно до упаду, – поспешно добавила Марта, увидев, как волшебница уже выписывает палочкой диковинный узор, сплетая заклинание.

– Не волнуйтесь, мои девочки, я знаю толк в танцах! – горделиво провозгласила Белинда и выстрелила заклинанием в толпу. Стая бабочек, сорвавшаяся с кончика палочки, закружилась над гостями разноцветным облаком, и насекомые яркими цветами упали на головы и плечи собравшихся. Как только их волшебные крылышки касались шляп кавалеров и декольте прекрасных дам, гости пускались в безудержный пляс, и к ним присоединялись все новые и новые танцующие. И скоро по залу понеслись разноцветные вихри, в которых невозможно было различить ни юбок, ни фраков, ни лиц, ни рук.

Принцесса и ее молочная сестра с ужасом взирали на это стихийное бедствие, образовавшееся в пределах бального зала.

– Тетушка, – сдавленно проговорила Изабелла, – немедленно пре... – Но в этот момент одна из бабочек врезалась в плечо именинницы, и та задергалась, словно в нее ударила молния.

– Иза, что с тобой? – в ужасе воскликнула Марта, но принцесса уже превратилась в очередную разноцветный вихрь и унеслась вместе с остальными.

Заметив стаю повисших над люстрой бабочек, высматривающих очередную жертву, Марта в панике поняла, что они с волшебницей единственные люди в зале, не примкнувшие к всеобщему безумию. Бабочки, похоже, тоже осознали это и сине-желто-красной рекой хлынули к ним. Марта ойкнула, схватила за локоть растерянную Белинду, мнущую в руках праздничный колпак, и нырнула под стол, увлекая за собой крестную. Скатерть, свисающая до самого пола, загородила их от крылатых негодниц, а ее тяжелая ткань не позволила им настичь беглянок. Бабочки в бессилии побились о складки белоснежного льна и потеряли интерес к неприступной добыче. Еще пару минут Марта и Белинда боялись дышать. Музыка превратилась в стремительный надрывный крик флейт и скрипок – видимо, музыканты тоже работали на грани своих возможностей и терзали инструменты с утроенной силой. Зловещая мелодия оборвалась так стремительно, что у Марты зазвенело в ушах от тишины, внезапно обрушившейся на зал. Не было слышно ни топота ног, ни стука каблуков, ни криков разгоряченной плясками толпы – как будто в зале мигом все вымерло. Лишь в открытые окна долетало далекое мычание коров и ржание лошадей со скотного двора.

– Как ты думаешь, они улетели? – с дрожью поинтересовалась Марта у крестной, имея в виду бабочек.

Та рывком откинула скатерть и выбралась наружу.

– Улетели, – раздался мгновением позже ее сдавленный голос. – Вот только...

Выражение, с которым это было сказано, не обещало ничего хорошего, и Марта быстро выползла из-под стола, спеша своими глазами увидеть то, что повергло в шок ее неробкую крестную. И было от чего впасть в ужас! Весь паркет был усыпан телами гостей. Блистательные дамы и благородные господа вповалку лежали на полу, так что Марте на мгновение показалось, что это не люди, а куклы.

В следующую минуту девушка уже бросилась к Изабелле, перепрыгивая через распростертые тела. Следом за ней неслась крестная фея.

– Жива! – с облегчением выдохнула Марта, глядя в лицо принцессы, с которого постепенно сходила багряная краска, вызванная бешеным ритмом танца.

– Она спит? – неуверенно спросила Белинда.

– Это тебе лучше знать, – резко ответила крестница и обвела взглядом зал. Невероятно, но люди, которые показались ей мертвыми, и в самом деле спали. И с осознанием этого факта до слуха Марты донеслись звуки, красноречиво подтверждающие ее догадку. Глубоко вздохнула во сне Изабелла; тихонько посапывала младшая дочка графа Виттона, миловидная Луиза, лежавшая бок о бок с принцессой; раздался раскатистый храп неизвестного Марте чернорабочего здоровяка, чье обширное пузо горой возвышалось над телами товарищей по танцам.

Белинда продолжала в растерянности мять колпак, переступая через спящих гостей и взволнованно вглядываясь в их лица. Марта тоже с беспокойством подняла голову и прислушалась: со двора сквозь раскрытые окна долетали топот и крики.

– Что там происходит? – занервничала девушка, осторожно, чтобы не наступить на спящих, пробираясь к окнам. Она выглянула во двор, свесившись до пояса, и тут же отпрянула назад, поспешив закрыть высокие створки. – Белинда! – страшным голосом вскричала она. – Помоги мне закрыть их!

По двору меж тем пронесся разноцветный ветерок из бабочек, заражая всех людей и животных, попавшихся ему на пути, дикой скоростью. Служанки, таскавшие воду, еле-еле плелись по двору, волоча полные ведра. Но стоило бабочкам присесть им на плечи, как женщины похватили тяжелые сосуды с такой легкостью, словно они были пусты, и умчались в дом так быстро, будто за ними гналась свора голодных вервольфов. Кучер, лениво прислонившийся к сараю, ни с того ни с сего пустился в безудержный пляс. Кони, запряженные в

карету и лениво перебиравшие копытами у крыльца, ожидая своих пассажиров, взвились на дыбы и с оглушительным ржанием понеслись по двору. Собака, спавшая в конуре, вылетела оттуда как ошпаренная и заметалась вокруг будки. Голуби, сидевшие на крыше, брызнули в стороны стремительными бумерангами. Бабочки повернули к скотному двору, сея по дороге сначала необыкновенное ускорение, а потом сон. Доярка, неторопливо доившая меланхолическую рыжую корову, за полминуты наполнила ведро молоком, а взбесившаяся буренка едва не подняла работницу на рога, да не успела. Заметались в загонах кони, свиньи, козы...

Этих подробностей Марта уже видеть не могла: ей хватило и того, что она заметила бабочек, летающих по двору и заколдовывающих все новые и новые жертвы. Испугавшись, как бы сквозь раскрытые окна они не метнулись в зал и не зачаровали и ее с Белиндой, она позвала фею на помощь. Та не придумала ничего лучшего, как взмахнуть палочкой... В то же мгновение зал погрузился в кромешную тьму. Белинда сработала на славу: посчитав стекло недостаточной защитой от коварных бабочек, она превратила его в камень. Теперь оконные проемы надежно защищала каменная кладка, а волшебница с крестницей шурились в чернильной темноте, пока первая не догадалась наколдовать свечи.

– Вот это да! – фыркнула Марта, поводя свечой над кладкой, и, тоненько пискнув, выронила ее из рук, дуя на обожженные пальцы. Наколдовать вдобавок к свече подсвечник Белинда конечно же не догадалась. Крестная поспешно исправила свою оплошность и осветила над головой.

– А что, так даже лучше, – осторожно сказала она, глядя на спящих вповалку людей. – Дневной свет мешал бы им поживать столь сладко.

– Надеюсь, как только они проснутся, ты вернешь стекла? – безнадежно вздохнула Марта, заранее представляя, сколько труда придется положить рабочим на то, чтобы разрушить кладку и вновь вставить стекла, которые ценились в Эльдоре на вес золота.

– Конечно-конечно! – уверенно отозвалась Белинда.

– Ты мне хоть можешь объяснить, что произошло?

– Э-э-э, – замылась фея. – Похоже, я переборщила с заклинанием.

– Это я вижу, – хмуро вставила Марта.

– Я лишь хотела задействовать возможности их тела по полной программе, – сконфуженно призналась крестная. – Чтобы они веселились от души, танцевали в полную силу. Я же не представляла, что это их так вымотает!

– Да уж, бедняги просто свалились с ног. Их можно понять – им пришлось двигаться чуть ли не с десятикратным ускорением. Ой! – спохватилась Марта, увлекая фею к выходу. – Пошли срочно искать маму и Жюльена!

Бывшая кормилица, а ныне управляющая дворцом и ее супруг присутствовали в зале лишь во время пира, предвещающего бал. Танцы они считали забавой молодых, поэтому среди жертв плясок до упада их не было. Марта воспрянула духом, ожидая увидеть родителей в сознании, но эта надежда испарялась с каждым шагом, пока она и крестная двигались по коридору. За дверьми зала сонное царство отнюдь не заканчивалось: в коридоре лежали вповалку служанки, не донесшие господам вино и фрукты. Во всем дворце не было слышно ни звука, из чего можно было сделать вывод, что бабочки успели облететь все покои и комнаты. При виде спящих служанок Марта забеспокоилась, повела носом и вернулась назад, к помещению, ведущему в кухню. Белинда отбросила ставший ненужным подсвечник и последовала за ней.

Марта волновалась не зря: комната, соединявшая кухню и зал, была полна спящих повара и опрокинутых подносов. В кухне тоже не осталось ни одной бодрствующей души, а в воздухе витал дымок и пахло горелым. Марта схватила со стола кувшин с водой и вылила ее в огонь, на котором обуглились куски мяса. После танцев планировалась новая подача блюд, чтобы утолить аппетит проголодавшихся плясунов, и работа в кухне кипела вовсю. Судя по тому, что на столах высились гигантские горы мелко порезанного мяса, овощей и башни из

наскоро слепленных хлебцев, труженики кухни после соприкосновения с бабочками отнюдь не танцевали, а впали в раж и выполнили фантастический объем работы, после чего свалились без сил.

– Получается, что твое заклинание распространяется не только на танцы, а на любую деятельность, которой был занят человек в момент появления бабочки, – прокричала Марта, разгоняя рукой клубы дыма.

На этот раз Белинда быстро развеяла гарь точной формулой.

– Хорошо, хоть никто не упал головой в котел, – пробормотала Марта, плеснув воды и потушив огонь, весело трещавший под большой чугунной посудой, в которой громко булькало непонятное варево – похоже, в него побросали все, что оказалось под рукой в момент заклинания.

Порыв свежего ветра ворвался в кухню, и Марта поежилась, оглянувшись на открытое окно. Вот откуда проникли бабочки – двери-то, соединявшие зал и проходное помещение между ним и кухней, были закрыты.

– Закрой скорей! – вскрикнула она, обращаясь к Белинде.

– Не волнуйся, – пряча глаза, пробормотала волшебница, – их тут уже нет.

– А где они? – почуяв неладное, поинтересовалась Марта.

– За воротами замка, – нехотя призналась фея.

– Где? – простионала Марта, представив себе последствия этого полета.

В это время в нескольких милях от дворца главная фея Эльдорры Лукреция вошла в свой кабинет. В лучах заходящего солнца волшебница степенно прошествовала к столу, опустилась в кресло, стоявшее в его главе, предварительно неуловимым движением бровей развернув его к стене, и пытливо уставилась в волшебное блюдо, висевшее прямо напротив. Следуя желанию хозяйки, блюдо отобразило вид дворца с высоты птичьего полета и стало медленно приближать его изображение. Как главная фея королевства, Лукреция, несомненно, была приглашена на бал в честь совершеннолетия принцессы. Так же как и все остальные волшебницы – король Кристиан и королева Гвендолин таким образом выразили почтение всем чародейкам, а те, как обычно, проигнорировали приглашение.

Каждый год в Эльдорре проходило около сотни балов, из них двадцать устраивались в королевском дворце – дважды в месяц. И каждый устроитель бала не забывал присылать приглашения всем уважаемым местным кудесницам. Не сказать, чтобы волшебницы были так нелюдимы или считали выше своего достоинства посещать подобные мероприятия, но лишь самые молодые из них, только недавно вступившие в профессиональный союз фей, отзывались на приглашения. Более опытные знали: на балу им не дадут ни расслабиться, ни повеселиться. Придется целый вечер выслушивать от соседей по столу жалобы на здоровье, равнодушные супруга, непослушание детей, тающее на глазах состояние и терпеть их заискивающие взгляды. Волшебница – профессия круглосуточная, и попробуй не помоги этим назойливым франтам – столько помоев на твою добрую репутацию потом выльют, что не отчистишься. Нет, Лукреция на подобные мероприятия давно не ходок. Несмотря на то что праздник в честь совершеннолетия принцессы – событие выдающееся, лучше наблюдать за ним со стороны. Волшебница нетерпеливо щелкнула пальцами, и блюдо стремительно приблизило изображение двора, на котором то тут, то там валялись груды мусора.

– Что за ерунда? – удивилась Лукреция, подавшись вперед. Изображение становилось все ближе, и заслуженная фея с нарастающим ужасом увидела, что это вовсе не мусор, а лежащие вповалку слуги, господа, собаки, лошади. – Покажи принцессу, – похолодев, велела она. Блюдо заволкло темнотой. – Могила? – дрогнула она и потребовала: – Подсвети!

Тьма стала развеиваться, и фея увидела принцессу, лежащую на полу среди множества гостей. Красиво очерченные брови Лукреции взлетели вверх.

– Есть кто живой? – взволнованно спросила она у блюда, и оно послушно сменило картинку. Волшебница впилась глазами в две фигурки, бредущие по дворцу и осторожно перешагивающие через распростертые на полу тела. Спокойствие, с которым неизвестные шествовали по зданию, заставило Лукрецию покрыться мокрым потом. – Кто? – в бешенстве спросила она.

Блюде отобразило лицо Белинды, заставив фею заскрипеть зубами, и Марты, приведя ее в полнейшее замешательство. Чтобы добрая, отзывчивая Марта так бесстрастно перешагивала через тела погибших – этого просто не может быть! Да и то, что Белинда в результате очередного сумасшедшего заклинания смогла угробить всех гостей в замке, тоже в голове не укладывалось.

– Да что там произошло? – раздосадованно воскликнула волшебница.

Горе-фея и ее крестница, отображавшиеся в блюде, вошли в очередную комнату замка. Марта бросилась к мужчине, упавшему грудью на стол, а затем к женщине, лежащей на полу, и принялась тормошить ее. Затем она взволнованно повернулась к Белинде и что-то спросила.

– Звук! – запросила Лукреция, и блюде исполнило ее волю, наполнив комнату голосами.

– Почему они не просыпаются? – беспокоилась девушка.

Фея в блюде неуверенно пожала плечами.

– Им надо восстановить силы.

– Слава небесам, живы, – выдохнула Лукреция.

– Когда это произойдет? – требовательно спросила Марта.

– Не знаю, – призналась крестная. – Может, через день, может, через два.

– Помоги мне перенести их в спальню, – попросила девушка. – У папы затечет спина лежать так целую ночь, да и мама может простыть на полу.

Белинда выудила из складок платья палочку.

– Нет-нет, – испуганно остановила ее крестница. – Никакой магии. Мы понесем их на руках.

Фея повесила голову и обхватила мужчину за плечи...

– Кажется, мне пора наведаться во дворец, – сказала Лукреция, решительно поднимаясь с места, и тут в комнату через открытое окно влетел гвалт с улицы. – Что еще за напасть? – Волшебница выглянула во двор и, быстро отшатнувшись, захлопнула раму. И как раз вовремя: золотистая бабочка, сотканная из искр, забила о стекло, силясь проникнуть сквозь незримую преграду. Фея поежилась. Хорошо, что она открыла только одно окошко. Но ведь есть еще дверь!

Подпрыгнув от этой мысли, Лукреция бросилась к двери, сквозь которую уже доносились шум и грохот, и стремительно захлопнула ее, припечатав для верности противозломным заклинанием и заговорив все щели от проникновения. Волшебница прикинула к двери и обратилась в слух; прошло несколько минут, и шум стих. Она прислонилась к двери спиной и подняла озадаченный взгляд на окно. Сейчас в сгущающейся темноте за ним кружили уже три бабочки: к золотой присоединились красная и голубая.

Волшебница пересекла комнату и остановилась напротив стекла. Бабочки, похоже, настигли всех жителей ее уединенного дома и теперь горели желанием добраться и до нее. Они слетались к окну так, словно за ним горел огонь, в то время как комнату постепенно захватывали сумерки. Пять, десять, пятнадцать, двадцать... Насчитав полсотни бабочек, Лукреция сбилась со счета и так и не придумала, как быть. Она испробовала все известные ей заклинания, но так и не смогла заставить бабочек исчезнуть. По телу бывалой волшебницы пробежали мурашки. Она, опытная и мудрая чародейка, стала заложницей заклинания непутевой Белинды. За дверью и окном ее ждут эти мерзкие создания, заставившие ее слуг сперва крутиться, как волчки, а потом повалиться без сил. Сопоставив увиденное в блюде с происшедшим во дворе ее собственного замка, Лукреция сделала закономерный вывод, что это звенья

одной цепи и заварила эту кашу не кто иная, как Белинда, разрушить чары которой ей не под силу.

Противные юркие бабочки уже заполнили собой все пространство за окном, от всполохов их розовых, желтых, зеленых крылышек слепило глаза. Казалось, за стеклом бушует пожар, в то время как другие окна отражали лишь подступающую все ближе темноту.

– Что же мне делать? – в отчаянии пробормотала главная фея королевства. – Остается только ждать.

Лукреция повела бровью, развернув кресло спинкой к блюдцу, и опустилась на сиденье, не сводя глаз с окна, за которым трепетала живая радуга, сотканная из сотен крылышек. Сумерки сгущались все больше, бабочки мерцали все ярче, настойчиво колотясь о стекло. В доме не было слышно ни звука.

– Не надо было жалеть Белинду семнадцать лет назад, – раздраженно бросила Лукреция, чтобы разорвать эту мертвую тишину.

Темнота за окнами сделалась непроглядно-черной, и вдруг бабочки взорвались искрами фейерверков на тысячи мерцающих блесков, которые стали медленно таять на фоне черного неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.